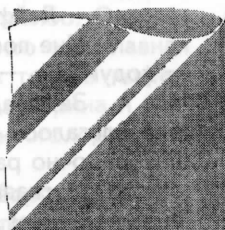

Лейф Ховельсен
(Норвегия)

ДОРОГА ЧЕРЕЗ МРАК

Сокращенный перевод

М.Н.Курочкиной

ЗЛОВЕЩАЯ НОЧЬ

Раздался стук в дверь. Ко мне заглянула няня, жившая у нас во время войны. Она сказала:

— Тебя внизу кто-то спрашивает.

Из окна сквозь сумерки я смог разглядеть неподвижную фигуру, наполовину скрытую за кустами сирени.

— Спускайся вниз, — проговорил человек низким голосом.

— У меня для тебя информация от Ганса.

Ганс был одним из моих связей по подполью.

— Кто вы? — отозвался я.

Никакого ответа. Я спросил еще раз.

— Спускайся — повторил тот же голос.

— Если вы не скажете, кто вы, я позвоню в полицию, — ответил я.

Затем я захлопнул окно, забрался в постель и залез с головой под одеяло. Мне страшно. Что-то тут не то.

Вдруг раздался звон разбитого стекла. Тяжелые шаги по лестнице. Дверь распахнулась. Гестапо! Вытащили меня из постели, надели наручники.

Отец с матерью были в шоке.

— Что он сделал? — спросила мама.

— Много чего!

Меня вытолкали в другую комнату. Пока двое допрашивали, трое обыскивали дом. Но ничего не нашли. По счастливой случайности, не заглянули в подпол в коридоре, там были спрятаны четыре радиоприемника. Я твердил гестаповцам, что они пришли не в тот дом, вероятно, кто-то ввел их в заблуждение. Но они показали какую-то бумагу.

— Здесь твоё имя и твой адрес. Мы заберем тебя в комендатуру. Тебя заставят рассказать правду.

Я оделся, меня затолкнули в машину. И тут я услышал с веранды голос матери. Она меня просто поразила:

— Лейф, помни об Иисусе.

Мне показалось, что я даже покраснел. "При чем тут Иисус, — подумал я, — это годится лишь для старушек и инвалидов".

За двадцать минут мы доехали до Викториа Терас (там располагалось главное управление Гестапо в Осло). Мое сознание лихорадочно работало. Что это за бумажка с моим именем и адресом? Они сказали, что есть информация от Ганса. Может ли это быть на самом деле?

На улицах тихо. Ни единого человека. Ни одного огонька. Только эти люди и я в сером полумраке летней ночи — 9 июня 1943 года. Мне девятнадцать, и я только что сдал экзамены.

Они продолжали допрашивать меня и в машине. Я прикинулся абсолютно несведущим, будто мне ничего неизвестно. Но глубоко внутри нарастала дрожь. Я знал слишком много.

На Виктория Терас завели в большую комнату. Норвежские и немецкие гестаповцы кричали друг на друга. Четверо из них подвергли меня весьма пристрастному перекрестному допросу. Они размахивали перед моим носом стопкой нелегальной литературы. Это еще не очень много значило. Мне повезло. Через несколько часов отправили в "Черной Марии" на улицу Молер, 19, где находилась центральная тюрьма в Осло. Я несколько расслабился, почувствовал даже гордость за то, что обманул гестапо.

Меня поместили в камеру Б24.

РАССВЕТ

/

На двери щелкнул замок. Я остался один, взаперти. Всем своим весом я навалился на дверь. Бесполезно. Такую дверь невозможно взломать. Может окно? Но и оно надежно заделано. Не выбраться.

В камере была кровать и старая школьная парта, на которой лежала ложка. На полу — тазик для умывания и кружка с водой. В углу, у входа в комнату, маленькая дверка. Я приоткрыл ее с любопытством. Оттуда донеслось зловоние.

Я стал вспоминать допрос. Их вопросы и свои ответы. Они расспрашивали только о той нелегальной литературе. Я почувствовал себя несколько более уверенно. Вероятно, они не знали о других делах, к которым я был причастен. Я подумал, что к Рождеству меня, наверняка, выпустят.

Со скрежетом открылась решетка в двери. Время кормежки. Вонючая рыба и вареная картошка. Нет, уж, спасибо. Оставил все нетронутым. Только позднее до меня дошло, что это главная кормежка в течение дня. Утром и вечером давали только кофе-эрзац с несколькими ломтиками хлеба, чуть-чуть маргарина и время от времени кусочек козьего сыра. Вскоре я так оголодал, что съедал все, что они приносили.

Первые дни тянулись словно недели. На обороте деревянных оконных ставень я обнаружил отметины, сгруппированные по семь штук. Вероятно, они были чем-то вроде календаря. Кто-то

здесь пробыл сорок дней, а кто-то пятьдесят. После того, как я сам сделал ногтем пятую отметину, в голове пронеслось: "Как же я смогу выдержать это?"

Однажды я принялся подсчитывать. Если я просижу в камере год, это составит триста шестьдесят пять отметин. Если же последующие пятьдесят лет я проведу на свободе, это будет восемнадцать тысяч двести пятьдесят дней. Не стоит волноваться из-за каких-то трехсот шестидесяти пяти дней, один день заключения ерунда по сравнению со временем, которое я проведу на свободе. И каждый новый день будет приближать меня к цели. Эти простые расчеты прибавили мне мужества. Дни тянулись один за другим, и ничего не происходило; это придавало мне уверенности, что все закончится хорошо.

Мой друг Пер, мы учились с ним в школе в одном классе, наверняка, уже к этому времени благополучно добрался до Швеции, и теперь мне не о чем волноваться. Мы с ним занимались распространением коротковолновых радиоприемников, которые доставляли в разные части страны. Мы приносили их в своих рюкзаках даже в школу. Прошедшие два года были полны приключений. А теперь я здесь. Одну вещь я пообещал себе определенно — я никогда не выдам своих товарищей, чего бы это мне ни стоило.

Чтобы как-то скоротать время, я насвистывал "Аве Мария", или "Larqo" Генделя, или какую-нибудь народную мелодию, или марш. Однажды во время моих музыкальных упражнений произошло нечто неожиданное. Кажется, я тогда бодро насвистывал у окна "Выше голову, веселый человек". Вдруг я услышал, что кто-то повторил эту мелодию. Может это было эхо? Нет, наверняка, это кто-то мне отвечает. Я просвистел другую мелодию. И вновь ее повторили. Я должен был разобраться в этом. Я просвистел студенческий гимн "Gaudeamus iquitur". Очень быстро ответили. Был ли мой неизвестный студентом? Попробовал несколько наших песен из студенческой жизни последнего года. Тот, кто отвечал мне, знал их все, даже те, что мы пели на особых сборищах. Я начал немного беспокоиться. Мог ли это быть Пер? После минутного раздумья я просвистел один или два гимна из нашего домашнего репертуара. Пер был сыном миссионера, мы оба с ним учились в христианской группе в высшей школе. На каждый гимн я получил ответ. Значит, это...? Нет, это не мог быть Пер, это не должен быть Пер! Тогда я попробовал нашу классную песню. Если он ответит, то это может быть только Пер. Но ответа не было. Я просвистел ее снова. Нет, все тихо. Я запрыгал от радости по камере. Теперь я мог быть уверен, что он выбрался и теперь в безопасности в Швеции.

Столь же неожиданной радостью, как эти музыкальные состязания, оказалась посылка с одеждой от матери. Ее мне передал охранник. Когда я стал разбирать одежду, я обнаружил, что на каждой вещи вышиты мои инициалы светлозелеными нитками, цвет надежды. Это так похоже на мою мать. Понятно, о чем она думала. Я живо представил себе, как она, сидя на веранде, готовила эти вещи для передачи.

Я стал думать о матери. У меня не было той веры, что у нее. Но с детства мы ходили в церковь вместе. За последний год в школе у меня проснулся аппетит ко всему, что было, по моему мнению, "радикальным", "революционным", я все больше и больше отходил от христианского мироощущения. Для меня оно стало казаться слишком тесным. Я упивался Гарборгом и Бьернсоном. Не знаю, насколько глубоко я понимал их тогда, но меня захватила эта яростная атака на традиционное христианство, я был воодушевлен этим разрывом с традицией. Если сказать честно, я испытывал то же. Я не выносил больше необходимости быть правильным. Однажды весной, когда я шел из школы, я сказал себе: "Я хочу быть свободным и я хочу быть радикалом". Я не сказал тогда ни слова ни отцу, ни матери, ни кому-нибудь еще. Но дома безусловно чувствовали, что во мне что-то происходит. В конце концов это стало прорываться наружу. Мама плакала. Но я вовсе не хотел ее обижать. Я только хотел быть честным. Мама мне никогда не казалась человеком ограниченным. Напротив, она всегда испытывала живой интерес ко всему, что происходит в стране, да и во всем мире. Она всегда много читала, но вера была все для нее.

К этому времени я начал читать книги по психологии и философии. Однажды открыл для себя Карла Маркса. Я нашел экземпляр "Коммунистического Манифеста" на книжных полках моего дяди, забрал с собой и потом читал втайне от всех. Но все это не дало мне ответа на мои вопросы. Я продолжал поиск.

Больше всего меня тогда увлекала наша борьба за свободу. Это была непосредственная реальность, и никто не мог избежать ответственности за нее. Помимо прослушивания ежедневных новостей из Лондона и рассказа о них тем, у кого не было возможности слушать передачи, я распространял нелегальную литературу и доставлял курьерам маленькие коротковолновые приемники. У меня был и свой собственный тайник дома, замаскированный под письменным столом.

Как-то днем я стремглав бросился в свою комнату "делать уроки" (на самом деле — прослушивать трехчасовые новости). Мне показалось несколько подозрительным мое необычное увлечение учебными занятиями. Неожиданно она вошла в комнату в тот самый момент, когда я, сидя под столом, слушал передачу. Я за-

был закрыть дверь. Мне показалось, что это конец, и я уже никогда не смогу слушать новости у нас дома. Но она с озорной искоркой в глазах спросила: "А ты не мог бы достать еще пару наушников?" После этого мы часто слушали новости вместе, а вскоре и отец присоединился к нам.

Папа был тоже из породы людей отчаянных. Его страстью были лыжи. На рубеже веков случились трудности с работой по его специальности строителя, и он отправился в Америку, там он нашел работу в Чикаго. Но все время тосковал по лыжному слалому, по дому и мечтал вернуться на Север.

В свое время он завоевал все возможные награды в лыжном спорте. Его звездным годом был 1903-й: он получил высшие призы и в гонках, и в прыжках с трамплина. В гонках на 50 км — Королевский кубок, а за прыжки с трамплина — золотую медаль Холменколлена.

Однажды осенью он прогуливался в Чикагском парке и обратил внимание на покатый настил, по которому спускали на воду, а затем поднимали лодки. Отец сразу решил, что вполне возможно спуститься по нему на лыжах; проконсультировался с людьми из шоу бизнеса и получил разрешение попробовать. Смазал лыжи мылом, стартовал на вершине, катился вниз несколько метров и оказывался в воде. Он развивал такую большую скорость, что некоторое время еще скользил по поверхности воды, прежде чем начинал погружаться. Затем он снимал лыжи и выплывал на берег.

Так он проделывал раз в день для собственного развлечения, пока его не увидел директор известного цирка Барнум и Бейли. Он весьма заинтересовался и спросил отца, не сможет ли тот проделывать нечто подобное в помещении, в цирке. В результате отец был принят в цирк и стал "Летающим Норвежцем" — величайшей сенсацией в цирке Барнум и Бейли — "величайшем шоу в мире". Он выступал в Медисон Сквер Гарден и повсюду в Америке, где гастролировал этот цирк. Газеты писали, что даже "мужественные люди бледнели словно полотно и отворачивались, не выдерживая, а хорошенькие дамы падали в обморок, когда наблюдали за его прыжком". Был построен спуск высотой около двадцати семи метров (30 ярдов). Между стартовой площадкой и площадкой приземления — пространство около 14 метров. Иногда туда ставили двух слонов и отец совершал прыжок через них. Четыре миллиона зрителей видели его номер.

Позднее он переселился в Колорадо и стал фермером. Там же он тренировал американских лыжников и стал известен как "Отец лыжного спорта в Колорадо". Самый большой трамплин в тех местах носил его имя — гора Ховельсена.

В 1922 году он приехал в Норвегию на золотую свадьбу своих родителей. Тогда они и встретились с моей матерью. Они поженились, купили деревянный дом, в котором мы живем до сих пор. Он находится в Хайбротен на восточной окраине Осло.

Мой отец всегда был сорвиголовкой. Ему было только двенадцать, когда он в числе нескольких юношей начал прыгать с трамплина, использовавшийся для национальных соревнований до того, как открыли известный трамплин Холменколен. Он пробирался на него после официальных соревнований и пробовал свои силы. И он же был самый старший по возрасту из выигравших в Холменколенских соревнованиях. В свои пятьдесят он все еще завоевал пятое место среди выступавших в последней возрастной категории. Мама рассказывала, что мне было только два года, когда он впервые поставил меня на лыжи. Он спускался с крутого склона недалеко от нашего дома, зажав меня между колен, а мама наблюдала за всем этим с замиранием сердца, но не без чувства гордости.

У меня много воспоминаний, связанных с отцом. Там в одиночной камере они нахлынули на меня — ловля форели в реках и озерах во время летних каникул, наши замечательные лыжные походы зимой. Все это вернулось ко мне, будто ожило, и долгие часы одиночества пролетали быстрее.

//

Однажды вечером я услышал звук ботинок с металлическими набойками. Заскрежетал ключ в замке, и дверь распахнулась.

"N 4785", — ответил я как положено. "На выход", — прогремел охранник. В коридоре три гестаповских офицера поставили меня лицом к стене. Я с напряжением ожидал, что же будет дальше. Вдруг на моем левом запястье щелкнули наручники, меня грубо развернули. Прямо передо мной стоял Пер! Мне показалось, что я проваливаюсь сквозь каменный пол. Все то, на чем я строил свои надежды, рухнуло, словно карточный домик. На меня нахлынуло отчаянье. Как много они знают? Нас сковали одними наручниками и повезли на Виктория Терас. Там нас разъединили. Они забрали Пера в другую комнату, и мы уже с ним не встречались больше до того дня, когда Пер вернулся из концлагеря Захсенхаузен.

Новый шок я испытал, когда меня привели для дальнейшего допроса. Там было шесть гестаповцев. По первому же вопросу я понял, что они хорошо осведомлены о нас, при чем о таких вещах,

о которых знали только свои. Теперь, когда я знал, что Пер не в Швеции, я был растерян, я не имел понятия, что мне делать.

Эту ночь я никогда не забуду. Сначала двое из них скрутили мне руки и держали их за спиной, пока третий бил меня кулаком по лицу. Я не выдержал и в конце концов назвал имена трех своих друзей. Они также заставили меня описать место моего тайника у нас дома, где хранились радиоприемники. Вдруг им пришла в голову идея, взять меня с собой.

— А, может, приемников уже нет, — предположили они. — Может, твой отец уже избавился от них.

— Он ничего не знает, — отвечал я. — Я не хочу домой. Вы можете забрать их без меня. Они там под полом в коридоре.

— Значит, ты не хочешь домой, — насмеялись они.

Один из них приставил свой револьвер к моей спине.

— Потарапливайся или я тебя пристрелю. Одним трупом больше, одним меньше.

Мне снова надели наручники и затолкали в машину. Счастье, что приемники были на месте, так как я и говорил. В рассветной мгле меня снова отвезли на улицу Молер, 19. Я почти потерял голову от отчаянья, это было двойное поражение, большее всего было от унижения. Я умолял охранника о постели. Мне было презрительно отказано. Я сдался и улегся прямо на пол. Все, что происходило этой ночью, вновь и вновь вставало предо мной.

То, что я назвал три имени, застряло во мне, словно нож в сердце. Гестапо все-таки сломило меня — меня, так жаждавшего быть сильным, желающего доказать, что я могу им быть!

Когда гестаповцы выпихивали меня из машины на Викториа Терас, произошла странная сцена. К ним подошел какой-то человек, норвежец, который их уже поджидал здесь. От него разило, он был неопрятный, небритый, с бегающими глазками. Он протягивал свои жадные руки, спрашивая: "Когда я получу свои деньги?"

Еще одним ударом для меня стало понимание того, что это действительно мог быть Ганс, мой товарищ Ганс, который снабжал нас информацией. Ведь это от него они могли получить ту бумажку с моим именем и адресом в ночь, когда гестаповцы арестовали меня. Они были правы, мои домашние. "Ты очень доверчив, Лейф", — говорили мне. Я не слушал их и считал, что они ошибаются, не веря в благородство человека. "Edel sei der Mensch, hilfreich und gut".

Теперь все, на что я надеялся и во что верил, рассыпалось на кусочки, размытое и разрушенное волной зла, реальность, которого, оказывается, я не очень хорошо себе представлял.

* "Благородным будь, человек, отзывчивым и добрым."

Страшнее всего было ожидание: что еще может произойти? Допрос длился десять часов. Мне удалось подсмотреть у них на столе фотографии двух моих друзей, о которых я думал, что они на свободе. Вероятно, их тоже предали и арестовали в то же время, что и меня.

У меня по спине пробегали мурашки, когда я думал о тех двоих. Что будет, если то, что они выбьют из них, не совпадет с тем, что говорил я? Эта мысль не давала мне покоя. Одно мне было ясно. Пока я не выдал самую важную информацию. Но если гестаповцы будут снова допрашивать и пытаться меня, я не выдержу. И тогда они узнают, кто отвечает за проход в Швецию, кто связанной с фронтом Сопротивления. Это будет катастрофа.

Что делать? Как сообщить друзьям? Может, они тоже находятся на улице Моллер, 19? Я обвел взглядом свою камеру. Все бесполезно. Среди охранников не было ни одного, кому я мог бы довериться.

Вдруг, как вспышка пламени, меня пронзила мысль: "Может, мне помолиться? Помолиться!? Но я не верю в молитву. Что ж, можно хотя бы попробовать. Какой в этом смысл? В любом случае не повредит". Я еще никогда не был в такой беде. И абсолютно без всякой помощи.

Я спорил сам с собой, выдвигая аргументы за и против до тех пор, пока не решил себя провести эксперимент. "Бог, если Ты существуешь, — молился я, — если Ты здесь и можешь все видеть, Ты ведь знаешь, что мне некому помочь и что поставлено на карту". Я молил: "Помоги Оду и Фридьефу выпутаться и сказать то, что нужно. Боже, если Ты ответишь мне, докажешь, что Ты есть, я полностью предамся Тебе, — пообещал я. — Мне хочется верить, но как я могу поверить, если я не знаю наверняка".

Через несколько дней, в понедельник днем, дверь распахнулась, и вошел охранник с тюремным парикмахером. Это было очень странно, я ведь знал, что еще не моя очередь. Меня отвели вниз, в коридор "А", усадили на стул прямо напротив выхода во двор. Парикмахер, который и сам был заключенным, начал меня стричь, а немецкий охранник просто наблюдал за происходящим. Парикмахер повернул мой стул немного влево, вероятно, чисто случайно, но в тот самый момент на лестнице раздались шаги четырех спускающихся человек. Это были два моих друга, Од и Фридьеф, в сопровождении двух охранников! Они остановились в коридоре всего в нескольких метрах от меня, и конечно же сразу меня увидели. Немцы стали переговариваться между собой, и, как внезапное озарение, Од наклонился ко мне и быстро пересказал то, о чем его спрашивали. Поглядывая на охрану, я прошептал в ответ: "Я говорил то же самое". Нам пришлось переждать несколь-

ко минут, а затем представилась новая возможность, и я прошептал Фридьефу: "Я тебя не знаю, знаю только твоего брата".

"Я сказал им то же самое, — выпалил он в ответ, — нас везут в Грини" .

Вскоре их увели во двор к ожидающей там машине, и за ними захлопнулась железная дверь. Последняя ободряющая улыбка, и их уже нет.

Вернувшись в свою камеру Б24, я ликовал от радости. И тут вспомнил о молитве.

"Но это простое совпадение, — подумал я, — обычное совпадение. Это же так естественно для парикмахера развернуть меня влево, ему было так удобнее. Он всех так разворачивал. И не было ничего удивительного в том, что моих друзей вывели в то время. Подобные вещи случаются." Я немного задумался.

"Но вот, как объяснить то, что нам удалось переговорить друг с другом о столь важных вещах, прямо под носом у охранников? Просто случайность? Да, но как сложилось то, что из четырехсот пятидесяти заключенных парикмахер пришел именно ко мне в тот самый день и час, когда моих друзей перевозили в Грини?"

Снаружи раздался гром, в камере потемнело. Я почувствовал себя маленьким, смиренным. И меня словно прорвало: "Верю, Господи", — разрыдался я. И с того момента что-то новое вошло в мою жизнь, внутренняя уверенность, что то, что я почувствовал, невозможно поколебать.

Наверное, если проанализировать ситуацию, можно доказать, что это все было просто совпадением, но глубоко в своем сердце я убежден, что Бог сотворил чудо не только во внешних обстоятельствах, но и внутри меня самого. Я был другим. Ко мне пришли мир, уверенность, радость и терпение. Мне уже не казалось столь важным, продлится ли мое одиночное заключение неделю или год. Как-то неожиданно я стал ощущать, что жизнь сама по себе это и есть самый удивительный дар.

Каждый день я открывал для себя все новое. Например, четверостишие из "Бранда" Ибсена, которое я учил в школе, теперь открыло мне свой глубокий смысл:

"Мужайся, дух мой, — вот победа:

Оставить все, прибыть нагим,

Все цепи, что за жизнь изведаль,

Рассыпать в прах, развеять в дым."

Я начал понимать, что в действительности означает свобода и за что стоит сражаться. Я понял, какое это счастье просто

* Грини — нацистский концентрационный лагерь к северо-западу от Осло.

ходить в школу, читать, учиться, иметь родителей, дом. Сейчас, когда все это было отнято у меня, все наполнилось живым смыслом. В камере Б24 мне открылась совсем иная жизнь, жизнь, полная смысла.

Конечно, трудности не кончились, бывали дни, когда меня вновь допрашивали с пристрастием. Но теперь я просто оборонялся. Во мне был источник новой силы, когда я молился и делился с Богом всем, что выпало на мою долю.

После того, как я еще месяц провел в камере Б24, меня снова вызвали на допрос, на этот раз его вел норвежский гестаповец. Он был пьян. Первое, что он хотел узнать, это имя и адрес одного моего школьного товарища. Безусловно, он кое-что уже знал и дал мне это ясно понять, что только я могу дать нужные сведения. Я понимал, к чему он клонит. Я решил держаться и разыгрывал невинность до тех пор, пока он не отстал. Затем он пытался выжать из меня что-нибудь о коммунистической группе, которая снабжала наше тайное издательство секретной информацией.

— Мы знаем, ты с ними знаком, — сказал он, — это твой шанс, расскажи нам, и мы перестанем считать тебя коммунистом.

— Я не коммунист, — настаивал я.

— Нет, черт тебя подери, но ты с ними связан. И если ты во всем сознаешься, мы можем обещать, что тебя не расстреляют, — был ответ.

Перспектива стала ясной. Если расскажу то, что знаю, это поставит под угрозу коммунистическую группу. Если буду молчать, это может стоить мне жизни. И тут на меня снизошла какая-то сила. Я продолжал разыгрывать неведение. Это сработало. Меня вернули в камеру, так ничего и не добившись.

И только тогда я начал осознавать, что мне грозила беда гораздо более серьезная, чем я себе представлял. За две недели до этого гестаповский чиновник, разбирающий мое дело, намекнул, что меня ожидает казнь, но тогда я не поверил. Теперь это стало очевидным. Меня казнят! За что? Все во мне кричало, молило о сохранении жизни. Я не мог поверить, что это конец. Особенно сейчас, когда я только начал для себя открывать, что такое тайна жизни.

Я прекрасно понял, что молитва — моя единственная опора в течение двух последних месяцев. И я взмолился: "Пусть свершится Твоя воля, Боже, каковая бы она ни была. Но если мне суждено выйти снова на свободу, я отдам всю свою жизнь Тебе во исполнение Твоей воли".

В эти дни я стал размышлять о Христе. До этого я ничего не понимал в Нем. Но теперь, когда я сам предан, избит и на волосок от смерти, для меня все Его испытания превратились в живую

реальность. Конечно, он несоизмеримо пережил больше моих страданий. Но тогда мне казалось, что Христос словно где-то рядом со мной, ободряет меня. "Не бойся. Все это Я претерпел, чтобы завоевать тебя".

Это были самые насыщенные дни, которые я когда-либо переживал. Я частенько вспоминал свое детство, когда мы ходили с мамой в церковь. Я охотно ходил вместе с ней, чтобы составить компанию. Я не особенно слушал проповедь, и это правда, но я любил орган и пение. Наибольшее впечатление на меня производило причастие, хотя я ничего не понимал в происходящем. В нашей церкви пели во время богослужения, и я отчетливо помнил голос священника: "В ту ночь, в которую предан был, Он взял хлеб и, возблагодарив, преломил..." Теперь я сам распевал эти слова, и это поддерживало меня. Ко мне пришло умиротворение и тихая радость ожидания того, что в дальнейшем могло со мной случиться. И если по вечерам я чувствовал, как спускается на меня одиночество, тогда я пел: "Зажги свет любви в окружающей тьме. Проведи меня сквозь нее..." Я чувствовал близость Бога. Что же еще было нужно?

Каждый раз, когда я слышал звук сапог у двери, звук поворачивающегося в замке ключа, я думал: "Пришла моя очередь?" Однажды утром, когда я вышагивал по Б24 и услышал звук шагов охранника в коридоре, меня пронзила мысль: "Должно быть, этот немец несчастный человек. Может, он чувствует себя рабом обстоятельств и поступает против своей воли. Он приговорен быть частичкой машины зла и не может найти выхода". И потом: "Германия проиграет войну и не столько благодаря усилиям союзников, сколько потому, что эта война против самого Бога, это злая воля, направленная на достижение своих целей. А этот путь ведет к проигрышу. Сколь долго бы это ни продлилось, результат предопределен". Слова из "Бранда": "Оставить все, прибыть нагим. Все цепи, что за жизнь изведаль, рассыпать в прах, развеять в дым", — приобрели для меня новое, более объемное значение.

Когда придет время поражения Германии, когда будет сломлена ее гордыня, настанет время обрести Бога и создать новую форму жизни для этой нации.

Дни приходили и уходили. Как-то утром, вышагивая взад и вперед по моей камере, я вдруг начал цитировать Шекспира: "Быть или не быть, вот в чем вопрос". Я остановился и рассмеялся. Это было действительно забавно.

Прошел еще месяц. Я все еще жив.

III

Я только что пообедал, когда подошел охранник и вызвал меня на выход. Внизу в коридоре я разглядел гестаповского офицера самого высокого ранга из тех, что присутствовали на допросах. Его я видел несколько раз, он всегда держался как бы на заднем плане. Он попросил меня сесть за стол напротив него. Я с интересом его разглядывал. Это был высокий, худощавый, светловолосый немец, наверняка из тех, кто считался "истинным арийцем". С виду он казался весьма привлекательным — отточенные, ясные черты лица, но было в его взгляде что-то холодное и расчетливое.

Он засмеялся: "Жаль тратить время? Это твоя вина. Не нужно было вступать в Сопротивление".

Он разглагольствовал около четверти часа или даже больше о нацистской идеологии, излагая все весьма убедительно. Говорил о том, что Гитлер сделал для Германии, с большим энтузиазмом описал победоносное шествие германских войск по всей Европе. Из его слов выходило, что война скоро закончится. "Мы наступаем в Италии", — сказал он. Так я впервые узнал о боях в Италии, из этого я заключил, что союзники теперь воюют там. "Когда мы, немцы, разобьем союзников, — продолжал он, — мы объединим весь континент и создадим Соединенные Государства Европы, наподобие Соединенных Штатов Америки".

Потом он стал рассказывать о жизни гитлер-югенд. Он говорил с теплотой и воодушевлением о той страсти, которая захлестнула сотни тысяч молодых людей, и как они с энтузиазмом исполняют свою роль в битве за новую Европу. Каждое его слово, каждый его жест говорили о том, что он глубоко и искренно убежден в том, о чем говорит. Я почувствовал себя словно в зыбучих песках. И нужно что-то делать, чтобы не быть погребенным.

Неожиданно он спросил: "Ты хочешь, чтобы Россия и Англия выиграли войну?"

Я задумался. Вот сидит человек, который держит мою судьбу в своих руках. Я почувствовал себя маленьким и беззащитным перед ним. "Я не хочу, чтобы Россия и Англия выиграли войну", — сказал я. Тут я почувствовал, что словно иду по тонкому льду. Что же мне было делать?

Он поменял тему. "Если мы тебя отпустим через два года, к тебе придет друг и попросит помочь с печатанием нелегальных материалов? Что ты ему ответишь?"

— Я потерял столько времени в тюрьме, теперь я должен сосредоточиться на учебе, — рискнул произнести я.

— Думаешь, я тебе поверю? — спросил он.

Я ничего не ответил.

— Ты провел некоторое время в одиночке. А что если мы поместим тебя в общую камеру, где ты будешь среди людей?

— Очень будет хорошо.

— Тогда допустим, кто-то из твоей камеры, побывав на допросе, расскажет по возвращении о том, что он провел гестапо, и от него ничего не узнали. Ты расскажешь нам об этом?

Я посмотрел ему в глаза и сказал: — Нет.

— Хорошо, а если ты начнешь снова учиться в университете, будешь ли ты информировать нас о происходящем, — быстро продолжил он.

— Нет.

Он улыбнулся и снова продолжил: — Если мы тебя отпустим, ты будешь продолжать жить, окончишь учебу, поступишь на работу, будешь ли ты тогда давать информацию? Мы гарантируем, что никто никогда об этом не узнает.

После паузы я сказал: — Нет, — и добавил, — Это будет против моей совести.

Он посмотрел на меня с некоторым изумлением. — Я не понимаю тебя. На тебя же самого донесли. Это же так естественно.

Я мог только ответить: — Нет, я этого не могу.

Он молча поднялся и, когда уже был около двери, сказал: — Обдумай все. Я буду через неделю.

Больше я его никогда не видел. Через два дня меня отправили в Грини.

Я часто думал потом об этом разговоре. Я столкнулся тогда лицом к лицу с чем-то, что не могу понять до сих пор. Постепенно я начал осознавать, что это была сила идеологии, вызов человека, который страстно хочет тебя завоевать, чтобы затем использовать тебя для достижения определенных целей своей коллективной воли.

Позже я узнал, что и Ганс прошел через это. Его арестовали немного раньше, чем меня. Ему задавали те же вопросы, и он поддался на их уловки. За свой кусочек свободы он должен был заплатить тем, что расскажет все, что он знал о нас. В результате я был одним из шести, арестованных в ту ночь.

Ганс вышел, но не на свободу. Напротив, Он все больше и больше запутывался в сетях гестапо. Они выжимали его, словно лимон, ради информации. Ему отплатили. Он предал своих и ему приходилось принимать участие во всех допросах на Виктория Терас. В конце концов он потерял всякое человеческое достоинство.

Чем больше он старался, тем меньше его ценили в гестапо и меньше доверяли. Он был пешкой в их игре до тех пор, пока был им нужен.

Я верил Гансу. Он был моим другом. Он сам выбрал путь, по которому идти, и не мне судить его.

Я прочувствовал на себе, что такое беспомощность перед лицом тех, кому ничего не стоило сломать нас ради того, чтобы попользоваться нами. И я знаю, что в наиболее критический момент это не я сказал решительное "нет", это сделала моя совесть. Я пытался избавиться от веры моих родителей, от христианской морали, но в беде и одиночестве именно это обрело жизнь во мне, придало ясности и мужества, в которых я так нуждался.

Да, я выстоял против нацистов, которые хотели меня покорить своей силой, но как выстоять против соблазна подобных идеологий, я не знаю. Вопрос заключается в том, как, встречаясь с людьми, которые целиком предали себя ложному учению, — как отвоевать их для чего-то иного?

И только когда я попал в Грини, я впервые встретил человека, который показал мне этот путь.

ЗАБРЕЗЖИЛ СВЕТ

Нас было двадцать пять человек в большом зеленом полицейском автобусе, когда мы выехали с улицы Моллер, 19, а затем из города. Стоял чудесный осенний день. Я смотрел на все, пока мы ехали, совершенно новыми глазами — на каждый дом, на каждое дерево, на каждого прохожего. Все так близко — только протяни руку, и в то же время так далеко. Это было как в кино, ты видишь замечательные, абсолютно достоверные кадры, но для тебя они не та реальность, в которой присутствуешь.

Где-то через полтора часа мы прибыли в Грини. Это довольно отдаленное место в лесистой части страны, окруженное горами, вершины которых, расположенные одна над другой, будто зовут вас вдаль. Как раз перед войной там построили женскую тюрьму. Немцы превратили ее в концентрационный лагерь, добавив двадцать пять казарм барачного типа для обслуживающего персонала и мастерских. Снаружи забор с колючей проволокой, цепь сторожевых постов, объединенных в единое целое восемью высокими башнями с прожекторами и пулеметами. Помимо этого высокий забор, по которому было пущено электричество, а за ним минное поле. Несколько тысяч заключенных содержались в этом концлагере.

По приезде в Грини, после выматывающей проверки и сортировки, я стал заключенным под номером 8231 и был прописан в барак N 10. Мне выдали черную тюремную робу и деревянные башмаки, после чего я отправился в барак. Его окна выходили на колючую проволоку и окрестный лес. Барак не слишком просторный, но все-таки здесь было лучше, чем в камере Б24. Двенадцать коек, расположенных рядами. Со своими соседями я познакомился только к вечеру. Они с радостью приняли меня, расспрашивали, как и за что меня арестовали, что со мной происходило все это время. Впервые за четыре месяца я разговаривал с людьми. Среди них оказались предприниматель, архитектор, несколько радикальных интеллектуалов, рыбак, морской капитан — все они были настоящие мужественные люди.

На следующее утро по дороге на утреннюю поверку я встретился не с кем иным, как с Одом и Фридьефом, с теми самыми, с кем мне удалось тогда таким чудесным образом обменяться важной информацией. Мы буквально бросились в объятия друг друга.

Думаю, нет необходимости описывать подробно жизнь в концлагере. Это делали столько раз до меня в послевоенные годы. Я был узником Грини в течение шестнадцати месяцев, и за это время три эпизода особенно вреzались в мою память.

I

В ту осень, когда меня отправили в Грини, нацистская полиция совершала рейд в университет Осло. Были арестованы многие студенты и профессора. Некоторых отправили в Грини, среди них и одного профессора истории. История был предмет, по которому я хотел специализироваться. Мне очень захотелось познакомиться с профессором.

Это был довольно хрупкий человек среднего роста. Сначала мне показалось, что он очень строгий и неприступный, но вскоре я открыл в нем нежное сердце и чистое, даже мальчишеское чувство юмора. Оказалось, что он был профессором по античной филологии в Университете, но читал лекции по общей истории. Мне его рекомендовали как человека большого знания. Я заметил, что его манера мыслить и излагать свои мысли обладает логической ясностью латинской схоластики. Вскоре мы стали друзьями.

В воскресенье, единственный день недели, когда нам разрешали свободно расхаживать по территории лагеря, мы использовали его для бесед во время прогулки вдоль зоны. Это было незабываемое общение. Профессор оживлял для меня картинки исто-

рии, которую я изучал когда-то давно в школе. Благодаря ему в моем сознании ожили Сократ, Платон, Аристотель и другие великие тех классических времен. Я почувствовал, что мой профессор интересуется не только тем, о чем я думаю, но и тем, что происходит в моем сердце. Я ему был интересен как личность.

Однажды он рассказал о себе. За несколько лет до начала войны он познакомился с группой людей, которые кардинально изменили его жизнь. Его как-то пригласили на большое собрание. Он сидел наполовину скрытый за колонной, слушал выступающих и внимательно наблюдал за происходящим. Эти люди говорили об абсолютных моральных критериях — о честности, о чистоте, бескорыстии, любви, как о естественных требованиях, которые каждый человек должен предъявлять самому себе. Они говорили об изменении в людях, в целых нациях, которые начинаются с изменений самого себя. Рушится система за системой, и это будет продолжаться до тех пор, пока не произойдет коренной сдвиг — изменение человеческой природы. И когда он слушал все это, он вдруг осознал, насколько он был одинок, несмотря на все свои знания. Эти люди безусловно обрели то, к чему он сам так стремился. Он читал это по их лицам. Они словно излучали внутреннюю свободу. И глубоко внутри себя он почувствовал, что то, за что они ратуют — самое важное и в его жизни. И когда он рассказывал о том, какую жизнь он вел, общаясь с этими людьми, я спросил:

— А что значит время безмолвия, о котором вы все время говорите?

Он ответил: — Слушать Бога, чтобы познать Его волю. То, что многие из нас почитают за молитву, часто бывает просто монологом. Это как если бы мы сразу же клали телефонную трубку после того, как выпалим в нее все, что нам хочется.

Для него стало совершенно новым опытом осознание того, что вероятно и Бог хочет что-то сказать, и в мире должны быть каналы для этого, должны быть люди, которые живут и работают по-иному.

И тогда я спросил: — А как это вы слушаете Бога?

Он ответил: — Ты тоже можешь сделать этот опыт своим. На какое-время остановись в любом месте и позволь своему внутреннему голосу заговорить. Запиши все, что приходит на ум, — а затем он добавил с озорной искоркой в глазах, — ты будешь весьма удивлен. Если увидишь, что твои мысли попадают под критерий четырех кардинальных добродетелей, ты можешь быть уверен, что они от Бога.

Это звучало весьма убедительно, но только по прошествии некоторого времени я рискнул попробовать. Мне было трудно принять, что Бог может таким образом общаться со мной. Как-то

ранним зимним утром я стоял у проволочного забора и смотрел на заснеженный пейзаж. Неожиданно меня пронзила мысль: "Ты солгал", "Солгал?" "Да, ты не сказал всей правды Стейнеру". Стейнер спрашивал меня, говорил ли я что-нибудь о нем во время допросов, я ответил, что нет. Следующая мысль была яснее ясного: "Что будешь делать?" И какая-то несокрушимая сила ответила: "Иди и скажи всю правду". Было ли это вслушивание, о котором говорил профессор. "Нет, — подумал я, — это уж слишком. Очень все как-то обыденно". Но я не мог уже отделаться от этих мыслей.

Стейнер в то время работал в переплетной мастерской. Я пошел разыскивать его, но потом вернулся. Трижды я заставлял себя пойти и трижды поворачивал назад. Я знал, что этого мне не миновать, но не мог пересилить себя.

Однажды в воскресенье мы вместе прогуливались где-то около получаса. Перед тем как расстаться, я все рассказал ему. Стейнер протянул мне руку, и когда я пожал ее, он сказал: "Все в порядке, Лейф, я знал это". Это сблизило нас, как ничто иное. Я несказанно обрадовался.

//

Это было весной. В один из майских дней я познакомился с Олавом. Кажется, сразу после евхаристической службы, которую некоторые из нас посещали тайно в бараке для дезинфекции. Мы приходили и уходили по одному так, чтобы никто ничего не заподозрил. Мы всегда оставляли кого-нибудь одного снаружи на страже.

Олав был всего на несколько месяцев старше меня и учился в университете. Довольно высокого роста, носил очки. Самым характерным для него было ясное сознание и простая вера.

Мы много исходили с ним по территории лагеря, беседуя о нашем будущем, об учебе, о том, чем займемся, когда придет свобода. Мы делились друг с другом надеждами и страхами, бедами и сомнениями.

В один из летних дней все кончилось. Олав мне рассказывал раньше, что он и четверо его друзей замешаны в убийстве нацистского полицейского. Это установлено, и секретная полиция требует наказать виновников. Олава вместе с другими обвиняемыми отвезли в Осло в суд, где их приговорили к смерти. В тот же день их вернули в Грини и посадили в отдельную камеру. Эта новость мгновенно облетела всех нас.

Перед вечерней поверкой я прохаживался под окнами камеры, где содержали приговоренных. Если бы я только мог как-то

поддержать их — Олава, Томаса, Кая и Яна. Если бы я только мог...

Многие из заключенных находились неподалеку, ожидая проверки. Среди них были и те из моих товарищей, в глазах которых я хотел особенно хорошо выглядеть, соответствовать их "радикализму", их "интеллектуальности". Я поприветствовал их.

И тут я увидел в окне Олава. Держась за железные прутья, он смог немного высунуться. Его глаза сверкали, он обвел нас своим взглядом. Он увидел меня и прокричал звонким голосом: "Спасибо за дружбу, Лейф. Не сдавайся в своей борьбе за Христа".

Я посмотрел на других, а ему постеснялся что-либо ответить. Пристыженный и подавленный, вернулся в барак. И тут я подумал об апостоле Петре и о том, как он услышал пение петуха.

В ту же ночь приговоренных увезли. А утром мы узнали, что перед тем, как их забрали, Олав читал вслух:

"Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч".

"Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божий во Христе Иисусе, Господе нашем" (Рим.8. 35; Рим. 8.38—39).

Я очень тосковал по Олаву. И тогда я решил никогда не отрекаться от той истины о Христе, которая открылась мне в камере Б24 и которую я видел в глазах Олава в тот последний вечер.

III

Как же между тем продвигалось мое собственное дело? Большинство из тех, кто имел к нему отношение, находились в концлагере Грини. Мы старались по возможности держаться вместе. По слухам, нас не должны трогать до поры до времени, так как предполагалось, что в самом Берлине должны заняться нашим делом. Тем не менее в начале сентября нас неожиданно снова отвезли на Викториа Терас. Некоторых допрашивали, а некоторых нет. Я ожидал своей очереди, но наступил вечер, и нас вернули в Грини. На следующий день меня вместе еще с другими заключенными перевели в "Желтый барак". В этом бараке все носили робы с желтыми треугольниками спереди и на спине. Это означало дополнительные ограничения в лагерном быту.

В то же утро Стейнер и двое других были помещены в ту же камеру, что и Олав с товарищами в их последний день. Я очень боялся, не значит ли это, что их скоро казнят. Я нашел моего

профессора и мы с ним уединились в укромном местечке за барак-ком N 10. За колючей проволокой виднелся среди веток небольшой красный деревянный домик, в воздухе медленно кружились багряные, золотые и бурые листья. В полной тишине мы молились за Стейнера и других товарищей.

Несколько позднее я поймал взгляд Стейнера через окно. Казалось, он был в хорошем расположении духа, хотя и знал, что это может быть его последний день в жизни. Я крикнул ему, что приду вновь сюда перед вечерней поверкой. За целый день мне удалось раздобыть кусочек копченого мяса, немного козьего сыра и несколько сигарет. Я написал Стейнеру письмо и поджидал со всем этим под окном незадолго до вечерней поверки. Стейнер и его друзья осторожно опустили из окна веревку, я быстро привязал к ней свою посылку. На следующее утро Стейнера и его сокамерников увезли.

Через некоторое время удалось узнать, что же собственно произошло. Один коммунист из нашей группы пытался тайно переправить на волю письмо со списком арестованных товарищей по партии. Письмо перехватили. В тот же момент всех тех, кто был в списке, в том числе и Стейнера, изолировали. Мы знали, что их казнят.

На следующий день во время поверки нас четверых, проходящих по одному и тому же делу, отобрали вместе еще с тридцатью шестью заключенными. Говорили, что нас отправят в Германию, по слухам в ликвидационный лагерь. Я написал письмо родителям, чтобы как-то подбодрить их. У нас были способы переправлять письма на волю. С юмором висельника я написал наверху моего письма: "Norrnafolket, det vil fare, det vil fore kraft til andre"

Все говорило за наш скорый отъезд. Шел сентябрь 1944 года. В последнюю минуту нас четверых оставили в лагере. Мы никогда не узнали, почему все сложилось именно так.

А через несколько дней оказалось, что корабль, на борту которого были заключенные из нашего лагеря, затонул. Он назывался "Вестфален". Только четверых спасли шведские рыбаки.

Я был потрясен всем этим. Мое сердце просто истекало кровью. Тридцать два человека утонули, десять были расстреляны — все они были близкими для меня. Как же все это бессмысленно и нелепо!

Почему же я избежал подобной судьбы?

* "Викинг норвежец, устремись вперед! Вдохни мужества в тех, кто рядом". Из песни Грига.

НА СВОБОДУ

Приближалась весна 1945 года, когда нас, триста шестьдесят человек, вызвали после поверки. В лагере — переполох. Нам приказали собраться и быть готовыми к отправке. На рассвете всех переправили в специальный лагерь СС около Майзена, небольшой деревушки недалеко от шведской границы, расположенной в лесистой, холмистой местности. Лагерь состоял только из трех бараков и очень небольшого пространства вокруг них.

Комендантом был офицер СС высокого ранга (штандартенфюрер). Он прибыл из Дахау и Аушвица (Освенцима) сделать "настоящий" лагерь в Норвегии, чтобы в дальнейшем не приходилось отправлять норвежских заключенных в концлагеря Германии.

Возле наших переполненных бараков расположен трек, вокруг него было расчищено большое пространство. Здесь — то и предстояло построить "настоящий" концлагерь. Первейшей заботой и главным интересом нашего коменданта было сооружение газовых камер.

До нас стали доходить слухи, что Гитлер издал приказ расстреливать всех политзаключенных. Шведская граница практически была рядом. А мы были уверены, что наш жестокий комендант, не задумываясь, выполнит приказ Гитлера и расстреляет всех нас. Поэтому стали готовиться к массовому побегу.

Тут пришло известие об освобождении Дании. Конечно, скоро придет очередь и Норвегии. Это критический момент. Пора что-то предпринимать.

И вот судьба улыбнулась нам. У коменданта возник конфликт с его же подчиненными, и в драке один из офицеров ударил его в глаз. Глаз заплыл. Комендант вызвал одного норвежского заключенного — окулиста. Тот притворился, что глаз в очень плохом состоянии, разыграл целый спектакль, настоял на том, чтобы комендант, не откладывая, обратился в хорошую клинику, которую он может порекомендовать. Комендант последовал его совету и отправился в больницу, расположенную довольно далеко от лагеря. Больше его никто в лагере не видел.

Через два месяца Майзен освободили. День клонился к вечеру, когда я добрался до дома. Родителей уже известили, что я скоро буду. На нашем доме развевался флаг, как во время праздника. Это был незабываемый момент. Первые несколько часов я, словно щенок, бегал из комнаты в комнату, оттуда в сад, а затем в подвал и на чердак. Проверял, на месте ли мои лыжи, затем мчался в гараж взглянуть на наш верный "крайслер".

В те замечательные весенние дни повсюду развевались флаги. Весь народ ликовал. Люди, вырвавшиеся из лап смерти, встречались вновь со своими близкими. Это был такой поворот истории, который вряд ли можно пережить еще раз в жизни. Мне посчастливилось быть в Осло в тот день, когда туда прибыл наследный принц Олаф. Это известие передавалось из уст в уста. Казалось, что все жители Осло собрались на пристань встречать его. Мы напрягали изо всех сил наше зрение, чтобы разглядеть на горизонте его корабль. И, наконец, он был среди нас, это был взрыв бурного восторга, который трудно описать. И это не только потому, что принц так популярен, скорее тогда его прибытие стало зримым знаком того, что мы отвоевали свою свободу, и теперь будем жить, как свободные люди.

Для меня же самым важным событием тех дней стала встреча со Стейнером! Я получил потрясающее известие: он жив. Мы встретились в июне, в пригородном поезде по дороге в Осло. Я открыл дверь в вагон и увидел его в противоположном конце. Он тоже увидел меня. Мы бросились друг к другу и обнялись на глазах у изумленных пассажиров.

Как же он остался жив? В тот самый день, через несколько часов, когда он получил мою посылку, его вместе с друзьями отправили на Виктория Терас. Там их заставили снять пиджаки и обувь, затем связали всех за запястья одной веревкой в колонну по двое. Их погрузили в грузовик, крытый брезентом, так чтобы не видно, что везут. Охраняли два вооруженных гестаповца. Выехали из Осло, грузовик сопровождали две полицейские машины: одна впереди и сзади. Время около полуночи.

Тут Стейнер вспомнил о перочинном ножике в кармане брюк, который его жена тайно переправила в Грини. Очень медленно и осторожно Стейнер извлек его, открыл, и пока они ехали в полной темноте, стал перепиливать веревку.

Внезапно грузовик остановился. Послышались возбужденные голоса, по лицам заключенных скользнул луч немецкого карманного фонарика. Неужели конец? Но оказывается, что-то сломалось в моторе. Грузовик остановился у обочины, сопровождающие машины поехали дальше. Стейнер продолжал перепиливать веревку. Вдруг он почувствовал, как что-то теплое потекло по его руке. Он порезал запястье, но несмотря на это судорожно продолжал свою работу. Наконец, дело было сделано. Он прошептал своему соседу: "Ты хочешь попытаться счастья?" Но тот уже окончательно сдался судьбе.

На крутом повороте, когда грузовик сбавил скорость, Стейнер поднялся. Держа ножик обеими руками, он изо всех сил кинулся на брезент. Получился большой разрез. Сначала он высу-

нул голову. Быстро выбрался, упал на дорогу, поднялся и побежал прямо в лес. Взвизгнули тормоза. Раздались крики, приказы. Засвистели пули. Он упал, споткнувшись о корень. Пока лежал, слышал, что вновь заработал мотор. Грузовик поехал в Трандум, где был военный полигон. Там в лесу расстреливали норвежских заключенных.

Стейнер поднялся и пошел наощупь вперед. Он выбрался к какому-то забору, попробовал перелезть через него, но настолько ослабел, что у него ничего не получилось, и он пошел вновь через лес. Босой, почти раздетый, он медленно пробирался сквозь сентябрьский холод. Через какое-то время увидел огоньки домов. После небольшого раздумья постучался в одну из дверей. Его тут же приняли, накормили, одели, дали денег. Он сел на поезд до Осло, разыскал там свою жену, и они вдвоем перебрались в Швецию.

После освобождения Стейнер вернулся на то место, где ему удалось бежать. Когда он нашел тот забор, через который пытался перебраться, холодок ужаса пробежал у него по спине: забором находился немецкий лагерь военно-воздушных сил. А дом, в котором его приютили, оказался центром местного сопротивления.

Прошла эйфория победы. Я почувствовал первые трудности мирной жизни. Все не так, как я себе представлял, как должно было быть. Моя жизнь отличалась от той, которую я рисовал в своем воображении. Из родного гнезда меня вырвали юношей, вернулся домой я мужчиной, так я себя ощущал. Но семья приняла меня как мальчика. Меня раздражала чрезмерная забота обо мне родных и друзей. Хотелось избавиться от этого, стать самостоятельным.

Я чувствовал себя свободным только в горах. После всех моих испытаний, мне трудно было выносить этот вечный праздник.

Столько всего случилось за это время. Однажды я встретил жену нашего товарища. У них дома хранился станок для печатанья нелегальных материалов. Ее муж был одним из тех, кого увезли тогда вместе со Стейнером в Трандум. Его жена подошла ко мне и спросила: "Как ты думаешь, когда Пэдер вернется?"

Что я мог ей ответить? Радость, торжество, печаль от потерь, гордость за победу, желание отомстить — все это словно волны накатывало на нас. Во всяком случае, я это все ощущал.

Вскоре после капитуляции, я вместе с другими товарищами из народного фронта оказался в крепости Акершус, расположенной над фьёрдом Осло. Мы охраняли содержащихся там агентов и персонал немецкой охраны. Мы, двое из "бригады Грини", стояли и переговаривались на плацу, когда нам сообщили, что прибыл гру-

зовик с военнопленными. Его сопровождала британская военная полиция, и мы подошли поближе, чтобы посмотреть. Нам сказали, что это офицеры военновоздушных сил, мы увидели немцев в форме военных летчиков. И тут мы просто испытали шок. Перед нами стоял ненавистный комендант Грини и его ужасные офицеры из спецотряда охраны — люди, которые заставляли трепетать от страха и ужаса тысячи других. Среди них находился и палач, известный особенно жестокими пытками. Один из моих друзей, не выдержав, умер от сердечного приступа.

И теперь они стояли, как ни в чем не бывало. "Офицеры военновоздушных сил!" Это наглая ложь. Мы подошли поближе. Они узнали нас. Но на этот раз мы были хозяева положения. Мы решили применить к ним такое же наказание, какое когда-то терпели от них. Внимание! Лицом вниз! Внимание! Ползти! Встать! Я приказал коменданту петь тот же сентиментальный марш "Марианна", который он заставлял петь когда-то нас. "Внимание! Кругом! Кругом!" Они взмокли. Один из них попросил у меня воды. Я принес ведро и выплеснул ему в лицо, окатив его с головы до ног. Мои товарищи вокруг смеялись. Мы получили большое удовлетворение от всего этого.

В тот же день я заглянул к своему другу по прозвищу "Крепкий орешек", чтобы рассказать обо всем. В лагере мы жили в одном бараке № 10. Он внимательно выслушал меня и нашел, что все это было просто великолепно. Я сделал то, о чем мечтали бы тысячи заключенных, показал этим висельникам то, что они заслуживают, и то лишь только в малой степени. "Ты должен был быть жестче с ними", — сказал он. И я заметил, что он почти завидует мне.

Эта история сделала меня популярным среди товарищей — бывших заключенных. Популярным, но не счастливым. У меня появилось странное чувство, что что-то здесь не так. Однажды я возвращался домой на поезде из Осло. Когда поезд остановился в Гроуде, я услышал голос своей совести: "Этому нет оправдания. То, что ты сделал, ужасно".

В глубине души я знал, что это правда, и презирал себя. Я хотел сражаться за истину и справедливость, и вдруг такая жажда мести! Было больно осознавать эту горькую правду о самом себе. Во мне самом пророс тот же самый корень зла, в котором я обвинял национал-социалистов и немцев.

И куда я шел через лес, в моей душе разыгралась целая битва. Я начал понимать то, о чем говорил профессор во время наших прогулок в Грини — искать глубинного водительства и добиваться того, чтобы совесть решала в любом поступке.

Июньским вечером в Либакезене, это лесистые горы в двадцати минутах от нашего дома, я сидел и обдумывал, что случилось. Я вспомнил гестаповца, который обращался со мной хуже всех, и вдруг во мне созрело это: "Иди и скажи ему, что ты его прощаешь". Эта мысль поразила меня самого. Простить такого человека! А что же скажут мои товарищи? Все норвежцы единодушны в том, что таких людей нужно судить и сурово наказывать.

Я рассказал все своей матери. Она разделяла мои чувства. В тот день, когда я отправился в Акершус, она подошла ко мне и сказала: "Передай ему, что я буду молиться за него".

Когда пришел мой черед нести караул, я вызвал его. Мы стояли лицом к лицу. Он помнил меня, и ему трудно было смотреть мне в глаза. Я же, не отводя взора, высказал ему все, что подсказывала мне совесть и прибавил к тому еще и послание моей матери. Его всего затрясло, но он ничего не сказал, и я отвел его снова в камеру. Через какое-то время его приговорили к смерти и казнили. Перед смертью он попросил священника, исповедовался и причастился.

ПРИЗВАНИЕ

I

Осенью 1945 года я готовился к вступительным экзаменам. Профессор, который так много значил для меня в Грини, стал моим наставником и другом. Последующие несколько лет я был целиком поглощен учебой. Многим из нас пришлось наверстывать упущенное.

Я частенько бывал у профессора дома. Он и его жена принимали меня как члена семьи. У них я и познакомился с тремя студентами — Инге, Ааге и Йенсом, они стали моими близкими друзьями.

Ааге изучал медицину, Инге — теологию. Они оба были активными участниками Сопротивления, но им вовремя удалось бежать в Швецию. Они вернулись в Норвегию с полицейскими частями в день освобождения.

Ааге — счастливая натура, с неистощимым чувством юмора, он легко находил себя занятие, был спокойным и уверенным в любой ситуации.

Инге — человек другого типа, скорее мыслитель, весьма чувствительный, но замкнутый. Он вырос на норвежском фольклоре, на народной культуре и научил нас чувствовать эту красоту и понимать ее содержание.

Йенс — самый младший из нас. Он очень подвижен, всегда полон идей. Смыслом его жизни были театр и литература. А вместе мы занимались философией, обсуждали Гегеля, Маркса, читали Кёстлера.

Мы часто встречались у профессора дома. Там собирались двадцать, а то и тридцать человек. У нас было множество тем для обсуждения. От экзистенциальной философии Жан Поля Сартра до тенденций в педагогике Соединенных Штатов Америки.

Вместе мы пытались понять и определить основные направления послевоенной мысли. Мы чувствовали необходимость найти самих себя именно в том времени, в котором мы жили.

Для нас всех было важно определить, каким образом идеи нашего профессора, которые так увлекали нас, могли быть внедрены в практику жизни. Нас волновало то будущее, которое нас ожидает, сможем ли мы, обыкновенные люди, повлиять на изменение обстоятельств жизни, или же мы обречены быть всегда во власти этих обстоятельств. Чему научили нас эти горькие годы, разве не тому, что именно мы, свободные люди, должны направлять течение событий жизни. И если мы не будем делать это, то тогда эти события будут управлять нами. Гитлер и его окружение создали нацистскую идеологию, которая захватила целую нацию и значительную часть Европы. Можем ли мы найти такое демократическое направление жизни, которое захватило бы многие нации, но не грубой силой, а силой нравственного вдохновения?

II

В июне 1947 года нас, большую группу студентов, пригласили в Ко, в Швейцарию, руководители движения Морального Переворужения Европы. Там высоко в Альпийских горах, в скромном месте над Женевским озером расположен Горный Дом.

Огромное здание, словно сказочный замок, уходящий в небо, швейцарцы отдали для работы этого движения. Их территорий не коснулись ужасные разрушения войны и им очень хотелось создать на своей земле такое место, где могли бы встречаться все нации мира, место, где могла бы быть выработана идея объединения всех людей сквозь ненависть и страдания.

Мы с большим интересом следили за международной конференцией, которая проходила в Горном Доме в 1946 году. А когда мы сами отправились в это путешествие на юг, то возлагали большие надежды на его результаты.

И мы не разочаровались. В Ко мы встречались с мужчинами и женщинами разных национальностей, рас, конфессий, разных

направлений жизни, это был как бы срез всей нашей планеты. Мы могли обмениваться своим опытом и идеями с разными людьми. Новый мир открылся для нас.

Наиболее сильное впечатление на меня производили те кардинальные изменения, которые свершались в человеческих жизнях. В Ко преодолевались конфликты, казавшиеся неразрешимыми — экономические и социальные, расовые, политические. Происходили изменения, подготовленные суровой практикой каждодневной жизни, делался выбор в пользу того, что является главным в любых жизненных обстоятельствах. Мы внимали доктору Фрэнку Бухману, человеку, которому принадлежала идея создания движения Морального перевооружения: "Человеческая природа может быть изменена. Это корень проблемы. Национальная экономика может быть изменена. Но это лишь следствие проблемы. Мировая история может быть изменена. И это судьба нашего времени".

Однажды мы обедали вместе с одной заведующей школы из Бирмы. "Посмотрите, — сказала она, указывая своей изящной рукой, — когда я показываю указательным пальцем на вас, три других указывают в обратную сторону, прямо на меня. То же самое происходит, когда мы критикуем других. Основная трудность заключается в том, что все хотят, чтобы изменился кто-то другой, а не он сам. Одни нации ожидают перемен от других. И все ждут, что кто-то другой должен начать. Единственно правильное решение — начать с самого себя, со своего народа."

Так просто, и так верно. Нельзя было с ней не согласиться и в следующем: "Какова я для своего народа, таков и мой народ для остального мира".

Мы вглядывались в глубинные корни конфликтов, формирующих всемирную историю — эту извечную борьбу между добром и злом, которая идет во мне, в моей стране и в целом мире. Как часто мы обсуждали все эти идеи в гостях у нашего профессора. Но только сейчас до меня по-настоящему начало доходить, что каждый человек призван принять участие в формировании будущего. В Ко я познакомился с идеологией, которая была положительным противовесом разрушительному материализму, с которым мы столкнулись во время войны. Эта идея доступна для каждого, она весьма простая для понимания, достаточно убедительная, чтобы объединить всех людей, в ней заложено такое важное содержание, что нужно сделать все возможное, чтобы претворить ее в жизнь. Эта идеология необходимой перемены способна создать нового человека, новые нации, новый мир.

Несмотря на все эти весьма убедительные аргументы, несмотря на все, что я видел и слышал, я все еще оставался заинте-

ным. "Не влезай в это так сразу, — говорил я самому себе, — Все не так просто и ясно, как кажется. Если я поставлю все на карту сейчас, очарованный этой атмосферой, может статься, что позднее я буду сожалеть об этом." Множество новых идей и впечатлений переполняли меня. Мне хотелось вернуться домой и все хорошенько обдумать в тишине. И я вернулся в Норвегию.

Через неделю вместе с родителями отправился в летний отпуск, как в давние времена. В первый раз после войны мы сели в наш "крайслер". Несколько дней мы путешествовали вдоль фьёрдов Вестландз, а затем остановились в хижине у гор Йотенхаймена. Это — сказочное место. Рядом — ручей, в нем полно форели. Все, что нам нужно, мы покупали на соседней ферме. На склонах гор мирно паслись коровы, и к нам в долину доносился перезвон их колокольчиков. Осенний воздух был прозрачным. По вечерам мы наслаждались свежельвленной форелью и каким-нибудь десертом, который словно по-волшебству умудрялась приготовить моя мама. Потом мы сидели вокруг очага, играли, читали или просто разговаривали, пока не начинало клонить ко сну.

Как-то я сидел у самой кромки воды и смотрел, как отец забрасывает удочку. Мне вдруг подумалось, так ясно и убедительно: "Жизнь, которую ты видел в Ко, будет и твоей жизнью до конца твоих дней". И тогда я твердо решил осуществить все это.

С этого момента я каждый день старался искать водительства Божьего в моем служении. Постепенно я выработал особую дисциплину для осуществления тех задач, которые поставил перед собой. Больше всего это отразилось на моей учебе. Теперь я научился расходовать свое время более эффективно. Не было больше блуждающих мыслей и взглядов, мне открылась совершенно иная концентрация.

Особенно важным тогда для меня стало выполнение задания по философии. Профессор дал мне на выбор четыре темы. Я выбрал "Карл Маркс и Коммунистический Манифест". Я привлек к своей работе большое количество новых, еще неизвестных материалов. Я усердно трудился в течение шести недель. Когда я закончил, я прочитал свой доклад профессору и студентам, профессор дал свою оценку. Этот опыт наполнил меня еще большей благодарностью университету.

Тогда я не знал, как много будет значить для меня в дальнейшем то, что я ознакомился с этим направлением человеческой мысли.

Мой дом — все, о чем я так мечтал. Если я соглашусь, какие гарантии у моего будущего? Никаких. Никакого дохода. Никакой научной степени, которая гарантировала бы мне хорошую должность. И в то же время я понимал, что это все очень грубый расчет. Я чувствовал сильное призвание и понимал, что невозможно отделить Божье от человеческого. Я подумал, что должен принять кардинальное решение, тогда я буду свободен от всех планов на будущее, от мнения родных и друзей по этому поводу.

Последнюю ночь я провел без сна. Я видел Олава и всех тех, кого отправили в Трандум. Я вспомнил тех, кто затонул вместе с "Вестфаленом" — они один за другим прошли перед моим мысленным взором. Я вспомнил свое обещание в тот роковой для меня час в камере Б24, что, если мне будет вновь дарована свобода, я отдам всю свою жизнь служению.

В это самое мгновение все сомненья рассеялись. "Следуй за мной, — сказал мой внутренний голос, — Отправляйся в путь. Не бойся. Я буду с тобой." Это решило все. Я почувствовал, что ничто уже не поколеблет принятого решения. Рано утром я рассказал обо всем остальным. Инге тоже решил последовать призыванию и отправиться в путь. Я вернулся домой. Мама и папа встретили меня настолько радушно, что я не знал, как мне быть. Как отважиться и рассказать им о своем решении.

Вечером я упросил маму пораньше отправиться спать, и когда мы остались с отцом наедине, я сказал о своем решении.

Мой отец — один из десяти детей в семье. Мой дед — сапожник и не мог дать всем образование. В юности отец мечтал стать морским офицером, но это было неосуществимо, не было денег. И он хотел дать своему единственному сыну все то, чего был лишен сам. Он много работал, и у меня была возможность учиться. Более всего на свете мой отец хотел, чтобы я не сбился с пути.

Он сидел склонившись и слушал то, что я ему говорил. Я видел, чего это ему стоило. Наконец он вымолвил: "Лейф, ты знаешь, как я хотел, чтобы ты закончил свое образование, и как я надеялся, что ты сможешь стать на ноги. Но я не могу вставать на пути твоей совести. Следуй своему призыванию."

Никогда я не чувствовал большей благодарности отцу. Не просто было все рассказать на следующее утро маме. Когда она кончила плакать, она сказала, что во всем этом можно усмотреть Божью волю. И она рассказала мне о том, как я родился. Я поя-

вился на свет на несколько недель раньше положенного срока. "Ты был таким крохотным, что тебя можно было уложить в коробку из-под обуви". Меня крестили дома, так как не были уверены, что я выживу. После родов мама долго молилась одна. И она обещала Богу, что если Он дарует мне жизнь, она никогда не будет ограничивать мою жизнь эгоистическими требованиями матери к сыну. Она обещала предоставить Богу распоряжаться моей судьбой по Своему усмотрению.

НОВЫЕ СИЛЫ

Было не просто распрощаться с университетом, с учебниками и занятиями, которые так много значили для меня. Еще труднее было оставить родителей, тем более, что я чувствовал, что настанет день, когда они будут нуждаться в моей поддержке. Я выбрал путь, который не гарантирует материального благополучия ни сейчас, ни в будущем. Для многих это — не просто ненормально, но чистой воды безумие, особенно когда они узнавали, что я собираюсь употребить все сбережения, отложенные на учебу в университете, на покрытие моих текущих расходов. По-человечески это выглядело так, будто двери в "золотое" будущее захлопнулись передо мной.

Но во мне одновременно росла всепоглощающая сила продолжать начатое. У меня не было ни тени сомнения, что я сделал правильный выбор, когда ответил "Да" на Божий призыв там в Телемарке. Тем не менее понадобилось некоторое время, чтобы это решение созрело и нашло конкретное воплощение.

Два последних семестра меня настойчиво преследовала мысль: "Отправляйся в Германию!" Я пытался отделаться от нее, но она снова возвращалась. Я не мог также отделаться и от мысли, пришедшей ко мне в камере Б24: "Только через полное поражение Германия обретет свою истинную судьбу как нация".

Я проехал по Германии в 1947 году, и это произвело на меня огромное впечатление. Толпы людей на каждой железнодорожной станции, ожесточенно воюющих за свое место в переполненных поездах, разбомбленные города, дети, просящие милостыню, бесчисленное множество калек, но ужаснее всего эти лица — безжизненные, мрачные, в которых застыла вся боль военной разрухи — они врезались мне в память. Я смотрел из окна поезда и постоянно думал: "Покоренная нация, разрушенная страна. Что же дальше? То, на чем строилась вера миллионов, рухнула. Во что же им верить сейчас? Что может заполнить образовавшийся вакуум?"

Нация без веры и надежды погибнет. Кто может дать что-то новое, ради чего стоит жить?"

Мы обсуждали все это и с профессором, когда я частенько наведывался в его кабинет в университете. И он среди прочего рассказал тогда мне о словах Фрэнка Бухмана на открытии первой международной Ассамблеи в Ко в 1946 году. Доктор Бухман обвел взглядом собравшихся и спросил: "Есть ли среди вас немцы? Без немцев мы не можем построить новую Европу". Немцев пригласили тогда в Ко так же, как и представителей всех других наций.

Безусловно, что-то начало изменяться и в самой Германии, мне попала в руки тогда маленькая книжница "Es muss alles anders werden" ("Все должно стать другим"), написанная немецкими политическими деятелями — лидерами профсоюзов, журналистами, которые стремились, чтобы их соотечественники открыли для себя возможность такого опыта, который они пережили в Ко сами. Она легко и ярко написана, приглашая каждого принять участие в построении реальной демократии в Германии. В ней говорилось, что "все должно стать другим", а это значит, что человек, скажем обыкновенный Джон Смит, должен поставить перед собой далеко идущую цель и попытаться в своей каждодневной жизни действительно руководствоваться такими понятиями, как справедливость и свобода. Бумага, на которой издана эта книга, подарена шведами, людьми, которые хотели принять посильное участие в создании новой философии жизни в Германии. Благодаря этому стало возможным осуществить издание тиражом в миллион экземпляров и распространить его по всей стране.

Однажды до меня дошло известие, что группа прогрессивных немцев связалась с Движением Морального Перевооружения в Ко и попросила привезти в Германию постановку "Добрая дорога". Мы с большим вниманием следили за этими гастролями. Двести пятьдесят человек объехали всю страну с севера на юг, они посылали нам свои сообщения из Мюнхена, Штутгарта, Франкфурта, Дюссельдорфа и Эссена. Театры, в которых они выступали, были всегда переполнены. Люди приходили вроде бы из праздного любопытства, просто посмотреть на что-нибудь. Но после спектакля они долго не расходились, собирались у сцены, беседовали с актерами. Я сам видел эту постановку в Ко, и я знал, что ее основным смыслом была столь необходимая немцам идея дороги, ведущей к ответственной свободе. Я знаю, что после спектакля Гессе, жена которого погибла в гестапо, член немецкого правительства, сказал со всей откровенностью моему другу, участнику спектакля: "Многие годы немецкий народ восхищался утопией, поддерживал и защищал политическую утопию. В результате многочисленные страдания обрушились на Европу и на весь мир. И это вина Германии. Мы

сохраним нашу землю только тогда, когда воспитаем молодых в новом духе. Германия нуждается в моральном перевооружении для своей демократии".

Все эти известия вызывали у меня самый живой отклик. У меня было такое чувство, что, как только я закончу учебу, я непременно поеду в Германию, чтобы принять участие в строительстве нового.

Все это время я постоянно получал письма от Йенса, он путешествовал вместе с труппой спектакля "Добрая дорога" и писал мне о том, как все происходило, о встречах с разными людьми. После выступлений в Эссене и Дюссельдорфе они оставались некоторое время, по просьбе правительства Рейн-Вестфалии, для "распространения послания и духа Ко в этих местах, чтобы помочь людям обрести новую надежду и силу". По инициативе одного из министров местного правительства, другую пьесу "Забывтый смысл" перевели на немецкий и поставили на немецкой сцене. Премьера состоялась в главном театре Эссена, который, по словам Йенса, "возвышался среди руин".

После рождественских каникул в Телемарке, которые мы провели вместе, Ааге решил направиться в Ко. А я ясно понял, что хочу ехать в Германию. Моим родителям это было нелегко принять. Друзья и родственники считали, что глупо "тратить свое время на немцев". Другие качали головами: "Какое поразительное участие в судьбе Германии!" После отъезда многие осуждали меня за то, что я "отправился к врагам", что я "предал интересы Норвегии".

Тем не менее мы с Инге уехали. Это была ранняя весна 1949 года.

В одном из рейнских городов я посмотрел постановку "Забывтый смысл", она шла во многих городах, ее посмотрели сто сорок тысяч человек. Стержнем пьесы был конфликт между директором крупного предприятия и его профсоюзным лидером. Поневолу и члены их семей оказались вовлеченными в этот на первый взгляд чисто производственный конфликт. Ситуация казалась безнадежной, пока ее участники не нашли в себе силы мало-помалу изменить свое отношение к возникшей конфронтации. А как только это им удалось, они научились слышать друг друга, вступать в диалог и договариваться о мирном соглашении. Люди вновь открывали для себя "забывтый смысл" взаимопонимания и взаимоподдержки.

Эта пьеса произвела на меня большое впечатление, и я чувствовал, что на большую часть аудитории тоже. Было очень странно видеть этот эффект — одни покидали театр в раздражении, а другие не расходились, обсуждали пьесу, пытались глубже

проникнуть в нее с тем, чтобы нащупать свой личный поворот к новой жизни.

Все исполнители этой пьесы были пламенно убеждены, что они являются проводниками важного послания — все они, а среди них и священник, и армейский офицер, студент—агроном, медсестра, актер, домохозяйка и многие другие. Для каждого из них участие в постановке означало отказ от прежнего пути упования лишь на внешнее. Эта решимость, эта отданность освящала их игру на сцене. То же самое можно было сказать и об исполнении песен, сопровождающих спектакль. А когда в конце опускался занавес, на сцену выходили люди из разных стран. Они говорили о том, как идеи пьесы могут быть воплощены в жизни каждого. Наибольшее впечатление производила главная идея этой пьесы — люди могут стать иными, могут вдохновиться, чтобы вырваться из порочного круга определенных обстоятельств. Важно только сделать первый шаг. Одному из героев этой пьесы открылось новое видение. Он воплощает его. И он становится своего рода рычагом для всеобщего обновления. Ведь в основе всех проблем, больших и малых, всегда люди, тот образ жизни, который они ведут, их частная жизнь и общественная активность. Люди, посмотревшие эту пьесу, получали надежду, что у каждого есть в этой жизни своя значимая роль. А хор пел:

Мы праздны, скупы и пусты,

Но все в нас должно измениться.

Свет внутренний высветит лица,

Жизнь будет полна красоты.

Мы тяжесть с души своей снимем.

Мы будем другими.

В тот вечер в городском театре я познакомился с женщиной, которую я узнал ближе в последующие дни. Ее звали Ирэн Лор, она была членом французской Палаты Депутатов, где представляла свой родной город Марсель. Многие годы она была секретарем движения женщин Франции за социализм. Она пострадала как активная участница Сопротивления. У нее на глазах подвергали пыткам сына, чтобы добиться ее показаний. Она не сдалась. "Раньше у меня было только одно желание, — призналась мне она, — уничтожить всех немцев". А теперь они вместе с мужем ездили по Германии в качестве участников постановки "Забытый смысл". Они жили в немецких семьях. Ирэн Лор обращалась к миллионам немцев по радио. Она выступала в парламентах немецких земель, на собраниях профсоюзов и каждый вечер после спектакля. Я не мог не восхищаться ею. Она была невысокого роста, худая, бледная, тихая, с очень сдержанными манерами. Но когда она начинала говорить, то сила ее убеждений приковывала к ней все внимание:

"Вы можете себе представить, что для меня значило приехать в Германию? Я мать и бабушка. Я социалистка, и всю жизнь я говорила о братстве, но в глубине своего сердца я так хотела видеть все эти руины. Я прошу прощения у вас за свою ненависть, у всех тех, кто теперь живет среди этих руин.

Это не означает, что я забыла о всех бедах моей страны или других стран мира. Ни в коем случае. Но единственное, что я сейчас могу сделать, это преодолеть ненависть внутри себя и просить прощения за нее. Моральное перевооружение — это мощная сила, которая поможет примириться и объединиться нашим двум народам. Общая идеология для Франции и Германии сегодня может сделать гораздо больше, чем все сладкие довоенные речи."

В тот вечер в Штаттхитере я познакомился еще с одним человеком. Это был Петер Петерсон. Он был одним из немцев, принимавших участие в спектакле. Ему было приблизительно столько же лет, сколько и мне. Он был довольно высокий, худощавый, светловолосый, с отточенными чертами, проворный и в то же время собранный. Я помогал ему убирать сцену после спектакля. Мне он очень понравился, хотя чисто внешне он сильно напоминал того нацистского офицера, который с энтузиазмом рассказывал мне о преимуществах национал-социализма тогда в гестапо. Но между ними была существенная разница. В глазах Петера Петерсона была доброжелательность и глубина, говорившая о внутреннем преображении.

Спустя двое суток мы ехали вместе с Петером в Северную Рейн-Вестфалию. Я не помню, как мы разговорились о войне, но вскоре я узнал довольно подробно обо всем, что ему пришлось пережить.

Покуда я вел свое сражение в камере Б24, Петер переживал ужас бомбардировок его родного города Гамбурга. Им не было конца. Среди полыхающих развалин, он впервые услышал, как немцы проклинают Гитлера.

Петер не знал никакой другой жизни, кроме гитлеровского режима. "Я не знал, что такое демократия, пока не познакомился с движением Морального Перевооружения", — признался он. По соседству с домом Петера располагалась штаб-квартира гитлерюгенд. Там был свой оркестр. Петер играл на флейте и любил маршировать вместе с этим оркестром. И хотя ему было всего семь лет, его вскоре приняли туда. А когда ему исполнилось двенадцать, его выбрали среди сверстников для учебы в Институте национальной политической подготовки (высшее учебное заведение, готовившее кадровый состав для Третьего Рейха). В пятнадцать лет он вместе с другими ребятами занимался подготовкой амуниции для противоздушных батарей, а в семнадцать он уже вступил в гер-

манскую армию. После года с небольшим военной подготовки его направили на западный фронт. Немецкая армия уже окончательно отступала. В апреле 1945 года его ранило под Бременом. Пока он выздоравливал, пришло известие о капитуляции. Весь его мир рухнул. Казалось, не было иного выхода, как только napиться сразу после выхода из госпиталя.

Он вернулся домой в Гамбург, или в то, что от него осталось, в июле. Отец Петера был юристом, и ему тоже хотелось изучать закон, но по постановлению оккупационных властей людям с подобным прошлым было тогда запрещено поступать в университет. Он мог бы получить работу у дяди, рыбороторговца, но его мучило при мысли о запахе рыбы, к тому же у него не было никакой подготовки для занятий бизнесом.

В те дни было очень просто обвинить человека в причастности к нацистскому режиму, даже если он не совершал никаких преступлений. А Петер все еще верил в истинность национал-социализма во многих вопросах. Он был убежден, что очень скоро западные союзники начнут борьбу с коммунизмом. В ситуации, когда миллионы немцев пытались доказать, что они не имели ничего общего с национал-социализмом, это была весьма не популярная точка зрения. И вскоре его имя оказалось в списке подозрительных личностей. Он оказался в заключении под охраной британских солдат. Каждый день он спрашивал охранников, в чем его обвиняют, но не получал никакого ответа. А через несколько недель его неожиданно отпустили.

Это заключение ничего не изменило в его убеждениях. Он только понял, что в будущем следует быть осторожнее, следует держать свой рот на замке. Ожесточенный, одинокий и опустошенный он чувствовал, что ему не для чего жить.

Вскоре, однако, ему повезло, он познакомился с одной немецкой семьей. Эти люди совсем не ожесточились, и они не были подавлены. напротив, они жаждали отдать все силы построению нового будущего в Германии, они искренне скорбели за происшедшее, разделяли все бремя ответственности. Они познакомились с движением Морального Перевооружения еще до войны, и потом во время войны, когда по приказу Гитлера эти идеи были запрещены и преследовались, они продолжали тайно следовать этим принципам. А к тому времени, когда они встретились с Петером, они планировали создание летнего лагеря на юге Германии, куда пригласили и Петера. Он принял это приглашение. В лагере он впервые встретил людей, которые руководствовались в своей жизни водительством Бога, нравственными критериями. До этого он знал лишь один тип жизнеустройства — авторитарный. Он стал учиться слушать голос совести, нести ответственность за свои поступки.

Это нашло понимание у его отца. Вся его семья вдохновилась новыми идеями, хотя многие из его бывших друзей остались равнодушными к ним. Спустя несколько месяцев власти союзников дали разрешение ста пятидесяти немцам на участие в Международной Ассамблеи в Ко. Петер был один из тех, кто поехал туда.

В этом месте истории жизни Петера мы сделали остановку на стоянке у автобана. Машина, на которой мы путешествовали, была пожертвована специально для работы в Германии группой учителей из Англии, и это была весьма существенная жертва для них. Продукты, которые мы взяли в дорогу, предоставили друзья из-за границы: соленая говядина из Англии, масло из Дании, чернослив и курага из Канады.

Было очень приятно сделать остановку, размяться и устроить пикник прямо у дороги. Мы разостлали бумагу, уселись, наслаждаясь свежей зеленью и запахами весны. Вдалеке виднелись две устремленные вверх башни собора.

Мне не терпелось узнать, что стало дальше с Петером в Ко, и я попросил его продолжить рассказ.

"Знаешь, — сказал он, — с семи лет я постоянно носил какую-нибудь униформу, в конце войны я даже не имел гражданского костюма. Я поехал в Ко в старом костюме своего деда. Костюм был мне несколько широк и немного короток. Я выкрасил в черный цвет свою шинель, в общем, вид получился вполне приличный.

Я прибыл в Ко со смешанными чувствами. Я был уверен, что услышу от других людей: "Что здесь делают эти преступники немцы?" Я был готов сам перечислить все те обвинения, которые нам всегда приписывали. Но вместо этого нас встретили радушно. Французский хор исполнил песню на немецком языке, посвященную судьбе Германии. Все двери были открыты для нас, это нас полностью обезоружило.

Через три дня я узнал о пребывании в Ко мадам Лор. Я также узнал, что когда она увидела приехавших немцев, то хотела немедленно уехать. Страстная дискуссия разгорелась между нами по этому поводу. Мы не могли больше не говорить о том, что раздирало в то время всех немцев Германии, кто виноват и кто должен за все отвечать. Мы признавали, что эта француженка имеет право ненавидеть нас, но мы решили, что, если она будет активно демонстрировать свою ненависть, то мы напомним ей ужасы французской оккупации в Шварцвальде.

Через неделю мадам Лор попросила слово у распорядителя Ассамблеи. Мы сели сзади, так как чувствовали себя ужасно неловко, думали даже, что может быть лучше уйти. Речь мадам Лор была очень короткой. всего три предложения, но это был поворотный момент для каждого из нас. Она сказала: "Я ненавидела

Германию так сильно, что хотела бы, чтобы она была стерта с карты Европы. Но здесь я поняла, что моя ненависть ни к чему не приведет. И я хочу попросить у вас, немцев, присутствующих здесь, прощения". Она села. Я был просто сражен. Несколько ночей я не мог уснуть. Мужество этой женщины было каким-то сплошным противоречием всей моей прошлой жизни. Я неожиданно понял, что есть в жизни ценности, без которых не прожить ни конкретному человеку, ни целой нации. Мы, я и мои друзья, поняли, что она показала нам единственно возможный путь для Германии — сыграть свою роль в восстановлении Европы. И основанием для новой Европы может стать прощение и примирение, как наглядно продемонстрировала нам мадам Лор.

Однажды мы подошли к ней и сказали ей, что скорбим о всех тех страданиях, которые пережила она лично и весь французский народ из-за нас, немцев. Мы пообещали ей, что посвятим отныне свою жизнь тому, чтобы подобное никогда не повторилось нигде в другом месте."

Я был потрясен историей Петера. Позже я рассказал ему, как я поступил с немцами в крепости Акершус после нашего освобождения. Наша взаимная откровенность очень сблизила нас.

Такие немцы, как Петер Петерсон, женщины, подобные Ирэн Лор, члены Британского Парламента, шахтеры из Велша, шведский профессор, плотник из Австралии, инженер из Канады, молодежь Скандинавии, бизнесмен из Дании — люди, подобные им, создали целое направление борьбы за новую Германию. Они использовали театральные постановки, хоровое пение, фильмы. Инге и я тоже вошли в это движение..

Мы жили в Дюссельдорфе вместе с еще пятнадцатью нашими товарищами. Правительство Северной Рейн-Вестфалии выделило нам помещение Дома Земельного Управления. Там наша группа развернула свою работу с теми немцами, кто был захвачен идеей Морального Перевооружения и нуждался в нашей поддержке.

Северная Рейн-Вестфалия — одна из самых крупных провинций в Западной Германии. Ее территория равна территории Финмарка на севере Норвегии, а население в четыре с половиной раза больше населения Норвегии. Сердце этой провинции — Рур. Река Рур берет свое начало на юго-восточной возвышенности, протекая сначала через красивые долины, а затем и через индустриальный район, которому она и дает свое название. Далее на Западе она впадает в Рейн, в эту крупную европейскую реку, по которой перевозят множество грузов Германии, Франции, Швеции и Дании.

В том месте, где Рур впадает в Рейн, построено множество портовых бухт, принимающих баржи и корабли, — это самый большой континентальный порт Европы — Дуисбург—Рурорт. Если вы поедете на машине по западному берегу Рейна, вашему взору откроется такая панорама на противоположном берегу, от которой дух захватывает. Заводские и печные трубы, устремленные в небо, повсюду, куда падает ваш взгляд, — все пространство озарено вырывающимся из них пламенем. В этом скоплении тяжелой индустрии чувствуется пульс Европы.

А когда вы попадаете в лабиринт улиц и проездов, часто перекрытых тяжелыми грузовиками, вы словно включаетесь в рабочий день Рура, который длится все двадцать четыре часа. Слышна тяжелая поступь шахтеров по булыжной мостовой. Целые толпы их возвращаются после смены, усталые и согбенные. Они направляются к своим стареньким кирпичным домам, покрытым толстым слоем угольной пыли, или к новым многоэтажным, построенным в последние годы.

Полмиллиона шахтеров спускаются под землю и добывают сотни тонн угля в год — это очень тяжелая и опасная работа. Здесь же производится сталь — от двадцати до тридцати миллионов тонн в год. Большая часть железной руды доставляется в Рур на кораблях из Нарвика.

Этот индустриальный котел стал моим домом на целых семь лет. Благодаря успеху в Руре наших спектаклей "Добрая дорога" и "Забывтый фактор", мы очень быстро познакомились со всеми выдающимися людьми в политической, промышленной и культурной сфере. Немцы распахнули для нас двери своих домов. Они делились с нами своей скудной и с трудом добываемой пищей. Мы спали в комнатах, где дырки в окнах были заделаны газетой или тряпками.

Мы встречались с людьми из рабочих комитетов, спускались в шахты. Нас приглашали разные союзы и объединения. Мы просиживали у них многие вечера. В кружках пенилось пиво, а табачный дым заволакивал нас сизой дымкой.

Деятели промышленности посвящали нас в начатую программу фундаментального преобразования. Политические деятели делились теми трудностями, которые возникали на пути преобразований.

Постепенно мы начинали по-настоящему понимать чувства этих людей. Падение нацизма привело к чудовищной нищете как материальной, так и духовной. Большая часть промышленности была разрушена. Сотни тысяч домов лежали в руинах. Повсюду царили разруха, бедность и отчаянье. Довольно часто это приправлялось глубоким цинизмом. После всех этих разочарований многие

не испытывали ничего, кроме скептицизма по отношению ко всему, что делали союзники. Особенно молодежь, мы постоянно сталкивались с равнодушием и очевидным эгоизмом. Их девизом было "Ohne mich" — "Только без меня". Но в глубине души каждый стремился к чему-то новому, к тому, чему можно посвятить себя без остатка, тому, на что можно положиться.

Иногда мы встречали немцев, которые были в Норвегии с оккупационными войсками. Это было испытание — слышать радостные возгласы: "Ах, вы из Норвегии. Я служил там четыре года. Мне очень понравилась Норвегия". А когда они добавляли несколько слов по-норвежски, типа "милая девушка" или "я люблю тебя", чтобы показать, что они не забыли то, чему там научились, я просто вскипал внутри, ко мне возвращались все те чувства, которые я переживал во время оккупации. Но отдаваться гневу совсем не хотелось. Я должен был признать абсолютную справедливость того, что говорили мои друзья: "Для того, чтобы человек или нация могли измениться, нужно, чтобы изменился источник их вдохновения." Было очевидно, что для создания новой Германии необходим новый образ немца. А это означало, принимать их теперешних с любовью, чтобы они могли укрепить свою волю к жизни и создать в своей стране такой мир, который бы завоевал доверие и любовь соседей.

Ради этой цели мы жертвовали многим. И вскоре нам открылись такие стороны немецкой истории, о существовании которых мы прежде и не подозревали.

Впервые это произошло после знакомства с одним профсоюзным лидером. Когда он узнал, что я был узником концлагеря, он захотел рассказать о борьбе своих друзей против нацизма. Целый час мы слушали истории о поистине отчаянном сопротивлении. "Если бы только мы могли стать бок о бок, если бы только демократические силы Запада могли бы объединить свои усилия с нашими, — говорил он, — Гитлер никогда бы не смог бы сделать то, что ему удалось сотворить." Этот человек провел в тюрьме 8 лет, начиная с 1933 года. Физически он был буквально развалина, но дух его остался негибким, он был верен завету своих друзей по Сопротивлению, которых казнили: "Будьте едины и творите новый мир!"

Я познакомился с Куртом Шумахером. Он провел в концлагере десять лет и был там так страшно изуродован, что ему ампутировали руку и ногу. А через некоторое время он еще и ослеп. Я навестил вдову Юлиуса Лебера, члена Парламента от социалистической партии. Он вместе с Вильгельмом Лейшнером возглавлял движение Сопротивления. После неудачной попытки покушения на Гитлера 20 июля 1944 года их обоих повесили, как и сотни других.

Я узнал о страданиях многих тысяч немцев после того, как Гитлер пришел к власти в 1933 году, и каждый раз у меня возникал вопрос — разве все эти мужчины и женщины выстрадали меньше нашего? Какими бы ни были причины того, что западная демократия не разглядела всей опасности знаков того времени. Эти люди в одиночку противостояли диктатуре тех страшных лет.

В Германии я начал понимать одну простую истину: чем на более глубоком уровне идет взаимодействие людей, тем меньше возникает различий между немцами и норвежцами, русскими и американцами: все мы принадлежим одному страждущему человеческому обществу. Мне уже не хотелось больше упиваться горечью прошлых страданий или надеждами будущих достижений. Для меня стало важным состояться, сейчас вместе с немцами, в созидании нового образа жизни.

Куда бы мы ни ехали, всюду видны были усилия по восстановлению из руин того, что разрушалось массовыми бомбежками в течение четырех—пяти предыдущих лет. Трудно остаться равнодушным, глядя на эту работу без усталости, на эту предприимчивую фантазию, на эту неукротимую волю преодолеть поистине чудовищные трудности на своем пути. Так было повсюду в Германии, и как—то один из нас заметил: "Если у нас на родине работают, чтобы жить, то немцы живут, только чтобы работать."

Наблюдая эту незабываемую волю к созиданию, я спрашивал себя: "Во что будет употреблена вся эта сила? Каким богам будет служить вся эта энергия? Какие идеи завоюют это пространство, чтобы мобилизовать все эти силы без остатка?"

Мало—помалу становилось понятно, что все то, что мы переживали в послевоенный период со всеми вытекающими проблемами, со всеми личными трагедиями — перерастало в нечто, что касалось не только Германии, но и всех нас, некое настоящее, которое формировало будущее — идеологическую войну.

После освобождения в 1945 году я, как и многие другие, думал, что вот наступил долгожданный мир и счастье. Я так верил в эту мечту. Захват Чехословакии и блокада Берлина несколько поколебали мои представления, весь этот передел мира — борьба не на жизнь, а на смерть за людей, за нации, разворачивающаяся параллельно фактической борьбе с оружием в руках. Было также трудно понять и то, что войну фактически ведут и сами демократы, и это в то самое время, когда мы радовались вновь завоеванной свободе, когда мы строили и восстанавливали.

Именно в Руре я вкусил сполна эту горькую правду, это была наша каждодневная реальность.

В те первые годы восстановления именно горная индустрия Рура стала основанием для индустриального роста Германии. Это

была кровеносная система всей страны, будущее во многом зависело от тех сотен тысяч шахтеров, которые добывали "черное золото".

Здесь стоит упомянуть, что союзники, оккупировавшие Германию, установили полный контроль над тяжелой индустрией — угольной, сталелитейной, железнорудной. Цель такой политики заключалась в том, чтобы не допустить образования огромных концернов, сосредоточения крупной индустрии в руках небольшой группы людей так, чтобы невозможно было использовать власть монополий для поддержки антидемократических сил. И в то же время скоро стало очевидно, что для жизни немецкой земли нужно, чтобы забилося ее индустриальное сердце. И тяжелая индустрия начала работать под контролем специальных комиссий союзников. Заработали заводы, шахты, прокатные станы. Были назначены директора, рабочим разрешили создавать объединения. Именно рабочие могли сдвинуть процесс восстановления с мертвой точки. Они расчищали руины, они заставляли крутиться эти гигантские колеса.

Контрольная комиссия одобрила новый закон, по которому разрешалось создавать заводские и шахтерские комитеты, которые бы следили за соблюдением прав личности и социальных гарантий для рабочих. Выборы в эти комитеты проводились каждый год, а затем раз в два года. Эти комитеты со временем стали играть важную роль, ведь в них отражались все политические пристрастия.

Как я уже говорил, уголь был основой основ новой индустриальной жизни. Как только мы познакомились с лидерами угольной промышленности, мы сразу же обнаружили напряженную борьбу за власть в этой сфере. Эта борьба питалась теми же идеями передела мира и осуществлялась в соответствии с планом, в котором обозначались четкие цели. Мы столкнулись с силой и стратегией коммунистической партии.

Там в Руре во многих рабочих комитетах главенствующую позицию занимали коммунисты. Хорошо подготовленные люди занимали ключевые посты. Их поддерживали товарищи по партии из зоны советской оккупации. Все вместе они образовывали сеть, которая покрывала всю угольную промышленность. Коммунисты стремились добиться контроля над индустрией. Это было первым шагом к запланированному захвату власти в Западной Германии.

Открытие поразило меня. У меня родилось пламенное желание открыть людям глаза на развернувшуюся борьбу — не на жизнь, а на смерть. То, с чем мы столкнулись, было лишь отблеском, внешней поверхностью того, что происходит на глубине день за днем. И от этого зависела наша жизнь и возможность нашей свободы.

ЕЩЕ ОДНА РЕВОЛЮЦИЯ

I

Моэрс — один из маленьких шахтерских городков в низовье Рейна. Это западная окраина индустриальной зоны, в сорока пяти минутах езды на машине от Дома Земельного управления в Дюссельдорфе.

В древние времена в этом чудесном месте селились кельты, а затем римляне. Сегодня этот народ живет жизнью угольной компании.

После демонстрации в Моэрсе наших спектаклей, мы познакомились с местными лидерами коммунистического движения.

Один из них — Макс Бладек — председатель местного рабочего комитета. Человек маленького роста, но огненного темперамента, не лишенный некоторой доброжелательности во взгляде. Искусный стратег. Коммунист с двадцатипятилетним стажем.

Другой — Пауль Куровский. На первый взгляд весьма утонченный человек с изысканными чертами. Очень активный, абсолютно бесстрашный и несколько агрессивный. В партии с 1922 года и считался выдающимся идеологом. Очень хорошо образован. После поражения Германии он прошел дополнительную подготовку в партийной школе в зоне русской оккупации и после возвращения возглавлял идеологическую подготовку партийных функционеров всего Моэрского района. Он пользовался доверием не только членов партии, но и шахтеров.

Бладек и Куровский, оба были убежденными борцами за свое дело со времен Розы Люксембург, начиная с 1920 года. При гитлеровском режиме они занимались подпольной деятельностью.

Одна из первых наших встреч с Максом Бладеком состоялась в таверне на окраине Моэрса. Мы принимали участие в дискуссии, и нас пытались перетянуть на свою сторону весьма искусные идеологи. Мы были не менее убежденными сторонниками своих идей и стремились к изменению каждого конкретного человека, его природы, а не способов распределения материальных благ.

Идея об изменении человеческой природы засела в умах этих людей. Они захотели узнать об этом поподробнее. Бладек пригласил погостить к себе нашего Йенса. Йенс был просто незаменим для такой работы. Его острый ум, горячая убежденность, его доброе сердце и преданность делу — все это делало его равным собеседником для таких революционеров со стажем. Бладек и Йенс провели много времени в ночных разговорах.

В это же время Пауль Куровский лег в больницу на операцию. Мы его часто навещали, и это произвело на него довольно сильное впечатление. Для него было очень непривычно такое личное внимание и забота. Наши контакты постепенно углублялись — неделя за неделей, месяц за месяцем, и вскоре мы стали друзьями.

Летом 1949 года мы приехали в Мозрс, чтобы пригласить Бладека и Куровского с женами на Международную Ассамблею в Ко.

Мы пришли к Паулю и Лине Куровским в их дом на Линденштрассе, 37. Прошли через маленький садик, где росло немного цветов, куст сирени и несколько кустов крыжовника. Листья казались скорее черными, чем зелеными от угольной пыли.

Квартира — две комнатки и маленькая кухня — типичное жилище шахтера. Макс и Грета Бладек были тоже здесь, были еще две пары — все члены компартии.

Приглашение в Ко не было неожиданностью, но мы еще несколько часов проспорили, прежде чем достигли некоторого равновесия в понимании. Маркс, Ленин, Сталин — они цитировали своих учителей по каждому поводу.

И все же что-то притягивало их, им словно хотелось заглянуть за завесу того, что сделало нас друзьями. Особое впечатление на них произвел один наш друг — Джеффри. Его семья принадлежала высшему обществу, он воспитывался в Индии, получил образование в Оксфорде, готовился к дипломатической карьере. Что же заставило такого человека отказаться от жизни своего круга ради круглосуточной работы без всякой зарплаты во имя чего-то неизведанно нового? И почему, он оказался здесь, с ними, с немецкими пролетариями, только чтобы служить им? Это было что-то совершенно небывалое в их жизни. Что же заставляет людей поступать таким образом? Тут что-то сокрыто, чего нет в теориях Маркса.

Поздно вечером Пауль подвел итог нашей дискуссии: "Тот, кто не хочет жить по принципам абсолютной честности, бескорыстия, открытости и любви, тот просто предатель своего класса и своей страны".

Через некоторое время все они выехали в Ко. А через несколько недель, когда делегации начали возвращаться, мы получили известие о Бладеке и Куровском. Их пребывание в Ко привело к тому, что они пересмотрели свое отношение к марксизму. Вот как выразил это Пауль: "Основополагающие идеи марксизма устарели. Эта система взглядов, основанная на классической немецкой философии, совсем не учитывает один весьма важный и решающий фактор — человеческая природа может быть изменена. Классовая война, тактика классового конфликта — это самоубийство, это неизбеж-

но кончится мировой войной двух противоборствующих лагерей, а это приведет к полному истреблению человечества."

А вскоре мы прочли отчеты, где фигурировали высказывания их обоих. Макс формулировал свои выводы следующим образом: "Моральное Перевооружение — это единственная идеология, которая не только не восстанавливает людей друг против друга, но и показывает, как можно из врагов стать друзьями, и все это посредством любви. И в этом смысле это реальная сила в борьбе за мир во всем мире". А Пауль коротко подытожил международную конференцию такими словами: "Я в течение двадцати шести лет пел "Интернационал", вкладывал в это всю свою душу, здесь же я впервые почувствовал, что это все отжило свой век."

До коммунистов Рура стали доходить известия о новых воззрениях Макса и Пауля. В партии началось волнение. Поползли слухи о готовящихся мерах дисциплинарного воздействия. Но все разрешилось совсем иначе. В Ко отправился один из членов компартии Моэрса. Это был Вилли Бенеденс, один из секретарей партии.

Вилли Бенеденс обладал особым даром вживаться в новую ситуацию, улавливать основной смысл происходящего. В свое время он был пилотом воздушных сил, но из-за его убеждений, как он рассказывал, его перевели в штрафной батальон. Там у него оторвало обе ноги, и теперь он ходил на протезах. Он был молод и целеустремлен, и инвалидность не остановила его. К этому времени он проделал уже значительный путь по партийной лестнице. Он также состоял членом рабочего шахтерского комитета.

И вот что произошло с Бенеденсом в Ко. Здесь я привожу дословный его рассказ: "Когда мы в Моэрсе столкнулись с движением Морального Перевооружения, я начал вести отчаянную борьбу против этого. Но что меня поразило еще тогда, так это то, что противоположная сторона не вступила в объявленную мною войну. Напротив, они демонстрировали заботу и доброту гораздо более сильную, чем моя ненависть. Это заставило меня серьезно задуматься. Я решил докопаться до сути, вот почему я принял предложение посетить Ко.

В Ко же я нашел то, что искал все эти годы — бесклассовое общество. Это подвигло меня на пересмотр своих взглядов. Прежде меня заботила лишь политика и партия, и в очень малой степени жена и дети. Я часто ссорился со своей женой. Мои друзья часто упрекали меня в этом. Мне постоянно говорили, что социализм начинается дома. Был ли я стопроцентным социалистом? Я боролся за мир и взаимопонимание между народами, а дома у меня шла война с родными и соседями.

В Ко я понял, как возводить мосты между мной и ближними. Моральное Перевооружение дает шанс каждому восстановить единство с окружающим миром. Эта идеология ведет к социальной справедливости, которая может удовлетворить глубинные потребности человеческого сердца."

//

Когда Макс с Паулем вернулись в Рур, они отправились в штаб компартии в Северную Рейн—Вестфалию с рекомендациями для членов партии ознакомиться "с мировой революционной идеей морального перевооружения". Они подкрепили свои выводы цитатами из Маркса и Энгельса, чтобы стало ясно, что они приняли решение вести новый образ жизни "по вполне закономерным и реальным причинам". Когда их предложение отвергли, они подали письменный рапорт председателю, в котором весьма подробно изложили свои убеждения.

Несколько позднее Макса и Пауля вновь пригласили в Ко принять участие в заключительной сессии Международной Ассамблеи. Партийное руководство запретило им ехать. Они не согласились с этим решением и писали в своем рапорте: "Мы должны принять свое участие в распространении идей Ко между народами. Этим мы поможем реальному продвижению дела мира и социального прогресса".

Западногерманская компартия столкнулась с дилеммой. Партийной задачей было проникновение ленинизма во все сферы общества. А тут произошло то, что партийные функционеры, элита партии, побывав в Ко, сами подверглись "проникновению" чужеродных элементов. Как поступить в этой ситуации? И председатель решил применить самые жесткие меры.

Когда состоялось расширенное заседание по этому поводу, Куровского встретили возгласами: "Что делает здесь этот шпион?" Против него выдвинули самые жесткие обвинения. Ему даже не дали ничего ответить и выставили вон. Он вернулся домой глубоко потрясенный. А вечером бывшие товарищи по партии бросали в его дом камни, они стучались о ставни.

В те дни мы с Джеффри ездили каждый вечер в Моэрс, чтобы поддержать наших товарищей. Их раздирали противоречия — с одной стороны, идея, которой они служили долгие годы, а с другой, новый свет, который забрезжил на их пути — новая идеология, более радикальная в требовании к конкретной жизни, более эффективная — своего рода бескровная революция. Наши друзья совсем не хотели порывать с партией. Они только хотели напол-

нить партийную жизнь новым содержанием. А в ситуации, когда они подверглись гонениям, им пришлось делать непростой выбор — следовать ли голосу совести или подчиниться партийной дисциплине.

Мы поддержали их в этой борьбе. Поздно вечером мы возвращались в Дюссельдорф. Мы с Джеффри жили по разные стороны Рейна. До дома я добрался один. Мой путь лежал через район, полностью разрушенный — одни руины и воронки от бомб. То здесь, то там виднелись обломки стен, которые выглядели, как застывший крик о помощи. Под грудями развороченного камня и ржавого железа, остатков балок лежали неучтенные тела погибших, все еще не похороненные. Не было света. Я пробирался в крошечной тьме. И это мир, который мы создали — мы, мое поколение. О, человеческая развращенность! И тут я словно услышал другой голос: "Сквозь зловещую ночь пробьется новый рассвет". Борьба за наших новых товарищей лишь подтверждает эту надежду. Это извечная борьба человечества в каждом поколении — борьба за свободу через нравственное обновление, против рабства, зависимости от других, борьба, побеждающая зло не вовне, а внутри ради жизни в свете истины.

6 октября 1949 года в газете "Freies Volk", это партийная газета Дюссельдорфа, появилась статья, написанная председателем партийного комитета Северной Рейн-Вестфалии, а на следующий день ее перепечатали и в газете Рура. Она называлась "Аморальное Разоружение", и это была первая официальная оценка нашего движения. Помимо идеологических нападок в ней говорилось об исключении из партии Бладека, Куровского и Бенеденса, а также содержалось предупреждение о возможном исключении всех тех, кто будет поддерживать с ними контакт. Этот сильный удар вполне мог сломить наших друзей, и нанесен он был накануне выборов в рабочие комитеты. Но несмотря на всю развернувшуюся против них кампанию, их личный авторитет оказался настолько высок, что всех троих вновь избрали, а Макс стал председателем шахтерского комитета.

III

Покуда разворачивались все эти события в Моэрсе, нечто похожее стало происходить и в Эссене, в самом крупном городе Рура с населением в шестьсот тысяч жителей.

Август Метцинг был коммунистом и председателем шахтерского комитета для ста двадцати тысяч шахтеров. Он побывал в свое время на премьере нашего спектакля "Забытый фактор", и это

его заинтересовало. Он посмотрел спектакль несколько раз и однажды даже привел свою жену. Когда опустился занавес после последнего акта, они некоторое время еще оставались на своих местах, глядя друг на друга. А когда они вернулись домой и сидели вечером на кухне, его жена воскликнула: "Что ты думаешь об этих переменах? Август, почему бы и нам не попробовать? Если это получится, то будет просто прекрасно!" В тот вечер они решили попробовать начать новую жизнь.

Они вскоре тоже побывали в Ко и также, как и Бладеки, и Куровские, подверглись самым жестоким нападкам со стороны своих товарищей по партии. В местной газете поместили карикатуру, где изобразили его с нимбом на голове и на коленях перед капиталистом—империалистом.

Главным обвинителем был его старый друг Иоганн Хольцхойзер. Они работали вместе на шахте, Хольцхойзер был председателем местной ячейки компартии. Между ними происходили яростные дискуссии. И когда Иоганн в очередной раз накинудся на друга, называя его "святошей", Август, как ни странно, не вышел из себя, а лишь сказал с улыбкой: "Лучше быть святошей, чем слепцом. Что ты можешь сказать против Морального Перевооружения, ведь ты ничего не знаешь. Поезжай в Ко и посмотри сам все на месте. А я помогу организовать твою поездку. А когда ты вернешься, мы поговорим обо всем обстоятельно. Ты сможешь атаковать меня сколько угодно, ты можешь даже составить отчет для центрального комитета".

Хольцхойзер съездил в Ко, а по возвращении доложил обо всем на расширенном заседании членов партии: "Когда вы получили приглашение на это заседание, то, наверняка, подумали, "надо прочистить мозги этим товарищам". Я тоже всегда так думал. Я был всегда уверен в своей правоте. Я коммунист вот уже многие годы и хорошо владею искусством классовой борьбы. Но всегда ли уж так правы немецкие коммунисты? Или социалисты? Или христианские демократы? Почему мы всегда задаемся вопросом "кто прав?", вместо того, чтобы искать ответа на вопрос "в чем заключается правда?"

Я поехал в Ко. Я думал, что мне удастся сорвать с этих людей их маски. С первого же дня я стал искать слабые места, чтобы в конце концов разоблачить их. Я изучал с пристрастием каждого из них — капиталистов, социалистов, рабочих, членов профсоюзов, политиков, пожилых и молодых. И постепенно до меня стало доходить, что эти люди какие—то другие. Их вера и убежденность была сильнее и тверже моей. И я подумал: "Если ты человек честный, ты должен все это основательно обдумать". И я сделал это. Прежде всего я задал себе вопрос: "Что такое классо-

вая война?" Это искоренение и ликвидация класса, который не обеспечивает человечеству достаточное количество и пищи, и нормальных жизненных условий. Но разве это правильно? Если мы считаем одних людей, капиталистов — предателями, кровососами и эксплуататорами, которых нужно уничтожить, то разве мы способны найти правильное решение, запятив свои руки? А ведь нам необходимо найти правильный путь для всех людей. Все вместе мы можем создать мир, где каждому найдется место. Только представьте себе: наши работодатели изменятся! Благодаря нам, рабочим! Если мы с вами начнем новую жизнь. Только подумайте, что будет, когда рабочие начнут меняться, освобождаться от капиталиста, от хищника в нас самих? И...

Иоганн сделал здесь небольшую паузу. Он быстро обвел глазами всю аудиторию. Совершенно очевидно, люди увлечены его речью. И тогда он продолжил: "И если мы покажем пример своей жизнью, наша страна обретет новую веру. Мы претворим ее в жизнь, мы совершим бескровную революцию, революцию без всякого противоборства, без железного занавеса, без армий и генералов. Наш путь будет ясным. И это будет подлинная реальность. Это будет чистый путь!" Аудитория тепло приветствовала оратора. Макс уже хотел объявить собрание законченным, когда неожиданно встал Германн Штофмель и попросил слова. И в напряженной тишине уверенно зазвучал его голос: "Думаю, я сегодня первый из выступающих, который полностью не уверен в правоте идей Морального Перевооружения. Вот уже сорок лет, как я состою в социалистическом движении, я член компартии. Сорок лет я сражаюсь за эти идеалы. Но после той катастрофы, которую мы до сих пор переживаем, приходится осмысливать заново. А есть ли смысл в том, за что мы сражаемся? Мы шли на жертвы, мы отдавали свои жизни, а есть ли в этом толк?"

В эти последние недели мы встречались со многими старыми товарищами и с Иоганном Хольцхойзером. Мы говорили о Моральном Перевооружении. Но по—настоящему это меня заинтересовало лишь тогда, когда я прочитал в нашей газете, что известных коммунистов из Мозрса исключили из партии за причастность к движению. Я сказал тогда самому себе, что—то есть в этом деле особенное. Я ведь не из тех, кто слепо следует партийным лозунгам. Я всегда был убежден, что у меня есть право выбора. И я стукнул кулаком по столу: "Это несправедливо!" И если уж дело дошло до исключения социалистов, таких, на которых обычно равнялись другие, что—то должно быть в этом Ко. Или они просто боятся этого Ко? И если в этом дело, то социализм там, где мы. И что плохого в том, что Моральное Перевооружение служит делу изменения основ жизни общества?"

Они исключили моего друга Иоганна. Может они захотят исключить и меня? Вы можете сказать, что я слишком высокого мнения о себе, но я ведь не какой-то анонимный член партии, я председатель местного исполкома и тоже имею право голоса. И я буду бороться за свое членство в немецкой компартии, где бы я мог воплощать и принципы Морального Перевооружения. И если хорошенько подумать, то лучше оставаться в партии и многое делать, и не давать им исключать нас. Я сделаю все, чтобы добиться этого".

Через несколько дней этот Штофмель был на партийной конференции, где присутствовали представители партийного руководства республики. Основная тема была — движение Морального Перевооружения.

Председатель компартии Северной-Рейн-Вестфалии предложил резолюцию, в которой было сказано: "Ни один член компартии Германии не должен ездить в Ко. Каждый член партии должен бороться с движением Морального Перевооружения как с врагом рабочего класса."

После этого Штофмель взял слово, и сквозь всеобщее возбуждение он изложил иную точку зрения на этот вопрос и предложил иную резолюцию, в которой говорилось: "Мы, деятели немецкой компартии, собравшиеся здесь, единодушно заявляем о принятии целей Морального Перевооружения за основу для обсуждения".

После голосования по двум резолюциям выяснилось, что за первую проголосовали четыреста семь делегатов, а за вторую четыреста.

В конце концов Штофмеля исключили из партии в 1950 году, а через несколько дней после этой конференции отстранили от руководства и председателя компартии Северной-Рейн-Вестфалии за недостаточную бдительность к "новой коммунистической ереси".

"ТЕПЕРЬ ВСЕ БУДЕТ ДРУГИМ"

Невозможно не полюбить Рур несмотря на смог, угольную пыль и морозящий дождь. Там бывали и солнечные дни, когда проглядывала зелень буковых деревьев, вкрапленных в панораму заводских труб, холмов из угольного шлака и печей. Но главное достояние — люди, обыкновенные рабочие — они были сердцем этого края.

С одной семьей по фамилии Хеске я особенно подружился. Ее глава — Фриц работал на соседней шахте, рядом с которой находился их дом. Фриц — активист рабочего движения с юности,

в коммунистической партии. Состоял с 1931 года. Приблизительно в 1935 году его за сопротивление нацистскому режиму посадили в тюрьму на два года. После освобождения ему было запрещено в течение семи лет устраиваться на работу. Его жене Йетхен пришлось брать стирку на дом, чтобы прокормить семью. Это были тяжелые годы для них. У Йетхен было слабое здоровье, и у нее часто случались приступы дурноты. Однажды, когда она пришла за платой, упала в обморок прямо на ступеньках одного учреждения. Женщина-секретарь в нацистской форме бросила ей деньги и со зловещей ухмылкой добавила: "Вот тебе. Теперь тебе остается только купить веревку и повеситься".

После падения гитлеровского режима Фриц начал заново воссоздавать коммунистическую организацию в своем районе, его выбрали председателем рабочего комитета. Он тоже увлекся идеями Морального Перевооружения, и его постигла участь тех коммунистов, которые вошли в наше движение: его исключили из партии.

Снова настали тяжелые дни для семьи Хеске. Йетхен принадлежала евангелической церкви. Фриц порвал с церковью, когда ему исполнилось двадцать, и с тех пор к религии относился враждебно. Партийная работа затягивала его все больше и больше, отдаляла его от семьи. Когда у них в доме случались собрания, Фриц всегда посылал Йетхен на кухню. Он пренебрегал ею, любовь, которая их когда-то соединяла, давно остыла, работа во имя революции стала его основной страстью. Для Йетхен жизнь превратилась в кошмар.

Когда же Фриц начал следовать в своей жизни четырем нравственным принципам, слушать голос совести, в их жизни наступила новая полоса. Однажды вечером Фриц вернулся домой немного позднее обычного. Он приготовил сюрприз для жены, ему хотелось воскресить былую нежность. Улыбаясь, как маленький мальчик, он вручил ей корзинку для штопки и шитья, на ее крышке были вышиты цветы, колорит был подобран весьма искусно. Чтобы купить ей этот подарок, Фриц перестал играть в покер и выпивать по субботам, так он скопил немного денег.

Для Йетхен настала совершенно новая жизнь. Каждый день Фриц, возвращаясь после работы домой, рассказывал ей обо всем, что происходит на шахте и в рабочем комитете, делился своими сомнениями и проблемами. И когда она почувствовала, что вновь нужна ему, она буквально расцвела. Его борьба стала и ее борьбой.

Однажды ее навестили две женщины из местной ячейки компартии. Она провела их на кухню, и они тут же назойливо стали склонять на все лады Фрица: "Он такой нахал! Если бы ты только

знала, как он обращается с другими женщинами, как ведет себя на партийных вечеринках!" И когда она пресекла все эти нелепые попытки опорочить мужа, они попытались лестью склонить ее к позиции бдительного члена партии.

Но тут Йетхен взяла инициативу в свои руки и показала им цветную фотографию: "Это Горный Дом. Мы с мужем там были. Это центр движения Морального Перевооружения в Европе". И она предложила этим женщинам вместе со своими мужьями посетить специальное собрание, где они обо всем смогут узнать сами. Они лишь покачали головами: "Нет, нет, мы уже и так все знаем". А когда уходили, они пригрозили ей: "Вот подождите, скоро придут русские. А когда они придут..."

Через какое-то время я должен был ехать в Осло. Мне сообщили, что Йетхен хочет меня увидеть перед отъездом. "Мы просто хотели пожелать тебе счастливого пути", — сказала она и вручила мне сверток. Я взял его с осторожностью, в нем оказалась цветочная ваза — одна из самых ценных вещей этой семьи. "Возьми это, пожалуйста, — сказала она, расплываясь в улыбке. — Я хочу подарить это твоим родителям от нас с Фрицем".

С этого времени моя мама и Йетхен начали свою переписку, которая затем переросла в дружбу.

Рождество 1950 года я встречал вместе с семейством Хеске. Поначалу это был просто плотный обед, обычный для шахтерских семей — мясо с картошкой и бобами, а затем кофе с огромными кусками пирога. Я вспомнил, как мы справляем Рождество дома, с елкой, на которой горят огни, с дедом Морозом. После этого на некоторое время воцарилось молчание — было слышно, как булькает кофе, который держали на плите.

Первой нарушила молчание Йетхен. Она достала старую Библию и прочла рождественскую историю. Для нее это было священнодействие. Ее голос дрожал, пока она читала, ее лицо отражало всю ту полноту чувств, которые ее бушевали в тот момент. А когда она закончила, Фриц запел рождественский гимн Моцарта "Тихая ночь". Я сидел и слушал. У Йетхен голос тонкий и высокий, у Фрица низкий и более сильный, но лучше всех голос был у их сына, он словно все уравнивал. Пели неслаженно, но очень искренне. Надо было видеть их глаза... И я вспомнил то, что недавно рассказала мне Йетхен: "Знаешь, Лейф, было время, когда мне казалось, что счастье уже никогда не улыбнется вновь. Теперь все иначе. Тринадцать лет я молилась о том, чтобы наша семья стала единой".

Это семейство стало неотъемлемой частью нашего движения в Руре. Сюда приезжали наши делегации из Азии и Африки и

из других мест. Многие из них останавливались у Хеске, и всегда их ждал там радушный прием.

Фриц время от времени все еще подвергался нападкам, но это уже не могло сбить его с выбранного пути. Несмотря на политическую кампанию против него, его вновь избрали председателем рабочего комитета. Он очень не ладил одно время с одним из представителей мандатной комиссии. Но он и с этим справился. Фриц вспоминал об этом с улыбкой: "Когда мы вместе поехали в Ко, мы были словно кошка с собакой. Я думал, что этому человеку нужно много времени, чтобы измениться. Но однажды утром он подошел ко мне и спросил: "Фриц, скажи, как на духу, что ты замышляешь за моей спиной?" Дело в том, что мы были с ним на ножах со времен гитлеровского режима. Он был национал-социалистом, по его вине моя жизнь превратилась в ад. Когда война кончилась, я сказал себе: "Теперь моя очередь!" Я начал собирать на него материалы для суда. Но в Ко я понял, что нужно положить конец этой вражде, что нужно жить иначе. Мы пошли с ним вместе на прогулку, и на террасе Горного Дома высоко над Женевским озером я признался ему, что хочу оставить всякое преследование, хочу жить в честном согласии с ним".

После того разговора стала складываться дружба этих непохожих людей. А через две недели после возвращения в Рур, они стояли рядом и смотрели, как полыхает огонь, в котором сгорали кипы бумаг, превращая в дым и пепел материалы, собранные для суда.

БИТВА ЗА СВОБОДУ

Очень часто приходилось принимать участие в серьезных проблемах наших подопечных. Всякие контакты с движением Морального Перевооружения, особенно поездки в Ко, могли обернуться для них серьезными неприятностями, особенно для тех, чьи родные и близкие остались в зоне советской оккупации. Им приходилось принимать непростые решения.

Я чувствовал себя совершенно беспомощным, неподготовленным перед лицом таких проблем. Во мне самом шла напряженная борьба. Я и мои друзья знали по опыту, какие силы дремлют в каждом из нас. Мы хорошо понимали все сомнения, которые обуревали наших друзей.

Однажды меня пригласили на встречу с убежденными, яркими революционерами. И когда я узнал, что придет один коммунист, которого я не выносил, у меня пропало всякое желание идти на встречу. "О нет, только не это!" Но через некоторое время я

взял себя в руки. "Тебя угнетает сила его убежденности, сила его личности. И ты пытаешься улизнуть. Но тебе не нужно бояться. Будь просто самим собой. Иди и защищай то, что считаешь истинным, так, как сможешь". И в то же время я чувствовал, что я не могу с этим справиться, рассчитывал только на свои силы, или скажем, просто исполняя роль. Во мне должна была появиться какая-то совершенно новая свобода — и это было возможно только с Божьей помощью. Мне трудно объяснить, что же в результате произошло, но в тот вечер я совершенно спокойно говорил с тем человеком, я рассказывал ему о своих страхах, даже посмеялся над ними. Без всякого напряжения я говорил о своих убеждениях, и впервые мы почувствовали дружеское расположение друг к другу — два человека, которые нужны друг другу, несмотря на разность их убеждений.

В другой ситуации я совершенно неожиданно для себя вдруг почувствовал антипатию к Йенсу. Многие годы мы работали бок о бок, нас многое связывало. Но внезапно между нами выросла стена. Мы были рядом, но порознь. Что-то разладилось так, что, казалось, уже невозможно восстановить. Я решил подвергнуть эти переживания суду совести. И вновь внутренний голос все прояснил. Меня просто мучила зависть. Дело в том, что группа немецких товарищей, собираясь на конференцию, пригласила поехать с собой Йенса, а не меня. Во мне стали копошиться разные мысли. Мой мозг придумывал сотни аргументов в мою пользу. Я словно пытался устранить Йенса с тем, чтобы занять его место. Таковы были мои тайные мотивы. Таков был я. В тот момент, когда я все это осознал в самом нелюбимом виде, ко мне вновь пришло то чувство, которое я испытал в самые тяжелые дни в гестапо — любовь Божья и прощение. Теперь я мог сказать уже без всякой горечи: "Йенс — тот, кто им нужен". И когда мы поговорили обо всем этом напрямую, ледяная стена, образовавшаяся между нами, растаяла, и наша дружба лишь утвердилась и окрепла.

Все эти слабые места, которые я находил в самом себе, видел в других, научили меня пониманию того, что свобода, оплаченная личными жертвами, не может быть отнята ни человеком, ни коллективом людей, ни системой. И если ты согласен платить эту цену, ты обретишь именно такую свободу. И понимание этого вновь возвращало меня к вопросу — политическую ли борьбу мы ведем?

Нет, это было гораздо больше, чем политика. Это была борьба за свободу человека от ненависти, зависти, произвола эгоистических устремлений — всего того, что позволяло злым силам расколоть целостность человека, целостность мира, в котором мы живем. Это была борьба за свободу следования голосу совес-

ти, за свободу принятия той силы, которая может сделать то, что в одиночку человеку не по плечу.

Это была каждодневная борьба, в которой мы сталкивались с могущественными силами, требующими от человека очень многого — времени, денег, энергии, личных чувств, комфорта. И они беспощадны ко всякому противодействию, как только они его обнаруживают, тут же в ход запускается механизм воздействия на слабые или ложные струны человеческого существа. Если допустить, что человеческая природа в том виде, в каком она существует, неизменна, то человек — игрушка в руках этих сил, и можно использовать эти силы для высшей цели, для будущей революции, человек сам по себе не имеет значения.

Мы же со своей стороны опирались на то, что с Божьей помощью человеческая природа может меняться. И наша борьба за человека разворачивается внутри самого человека. Нашей задачей было не эксплуатировать человеческие возможности, а вдохновить на творческое изменение.

Мы на практике постигали то, что победа над всепоглощающим стремлением властвовать над другими не может быть завоевана без поддержки сил, превосмогающих нас самих, все наши идеалы и идеологии. Нам приходилось противостоять людям, представляющим мировую силу, воинствующую и всепроникающую идеологию от Рура до Восточного Берлина, Москвы и Пекина. Если бы в этой идеологии было представлено то, без чего человеку не прожить, что составляет его истинные потребности, то можно было бы оправдывать любую жертвенность, и ту, которая превозмогала бы нашу собственную убежденность в правоте своих идеалов. Но в этом случае такое могло бы быть только по воле Божьей. И это могла быть только такая сила, которая творит новый тип человека, человека, каким он был задуман в соответствии с "образом и подобием Божьим".

И вот изменения стали постепенно происходить с людьми, такими, как Макс и Пауль, Фриц и члены их семей. У них появился совершенно иной свет в глазах, иная, более подлинная убежденность, иные чувства, которые помогали им одолевать нападки противников. И это именно они вели борьбу с утра до ночи на переднем крае этого фронта. Макс, Пауль, Фриц и другие знали из опыта, что люди, пытавшиеся их сокрушить, сами, не ведая того, попадают в свои же собственные ловушки. Идеология, построенная на манипулировании людьми для достижения своих целей, не оставляет никаких гарантий и для них самих. Как они пытаются использовать других, так и другие обязательно попытаются использовать их самих. Для них, как и для всех нас, есть только одна дорога к на-

стоящей свободе — обрести такую силу и такую идеологию, которая не связывает, а освобождает и вдохновляет.

Это то, что обрели Макс, Пауль и другие. И это поражало их товарищей по партии, привлекало всеобщее внимание, вынуждало признавать, что эти люди обрели некую силу и свободу, большую, чем та, которую их оппоненты когда-либо видели.

И самое главное, что мы могли тогда делать, это не терять единства перед лицом той глобальной и жизненно важной задачи, для решения которой требовалось гораздо больше сил, чем было в нашем распоряжении. Мы должны просто жить такими, какие мы есть — беспомощные, с пустыми руками, но с надеждой и верой, и даже убежденностью в том, что, когда человек вслушивается, Бог говорит, когда человек повинуется, Бог творит.

* * *

Несколько месяцев спустя после освобождения в мае 1945 года жизнь казалась мне беспросветной. Я был в плену разочарований. Я вспомнил ясные морозные дни в концлагере, когда мы гуляли вдоль электрического забора, вглядывались сквозь колючую проволоку в окрестные пейзажи, жадно вдыхая свежий воздух и мечтая о будущем. Но вот пришла свобода, и все оказалось совсем не так, как я мечтал. Какая-то тяжесть навалилась на меня. В чем смысл этой жизни? Однажды под влиянием таких чувств я с упреком спросил свою мать: "Зачем ты меня родила в этот мир? Разве не лучше было бы вовсе не родиться?" Мама посмотрела на меня очень внимательно, в ее взгляде светилась любовь и понимание: "Лейф, в этом мире столько зла, что просто необходимо воспитать таких людей, которые могли бы отстаивать добро".

Ее слова всегда со мною, они укрепляют меня. Хотим мы того или нет, мы живем в мире, где идет напряженная борьба добра со злом. И эта борьба — часть самой жизни.

СОДЕРЖАНИЕ

Григорий Померанц

Духовное движение с Запада.....3

Теофил Шперри

Динамика, рожденная в тишине.

Идеи Фрэнка Бухмана сегодня 38

Начало..... 40

Дорогая сердцу Пенсильвания..... 40

Расширение горизонтов 41

Первые шаги..... 43

Подземный атомный взрыв 45

Лаборатория..... 47

В мир 48

Китайская трагедия 51

Прорыв..... 54

В отставку!..... 54

Пророки нового времени 57

И на земле как на небе..... 60

Скандинавский феномен 62

Из Швейцарии по всему миру..... 64

Битва идеологий..... 67

Судьба Германии..... 70

Ответ на кризис..... 72

Моральное перевооружение 72

Буря 75

Уход от мира и возвращение к миру..... 77

Бухман на грани смерти..... 80

Дом на острове и горный дом 82

Дом на острове 82

Новые союзники в Швейцарии 85

Горный дом 86

Соединение интимного и глобального..... 88

Команды как формирующие ячейки будущего..... 91

История в развитии 91

Фрэнк Бухман и его команда 93

Команда на марше 96

Команда в опасности..... 97

Последние годы 98

Достижения и новые вехи развития..... 99

Почему бы не позволить богу управлять всем миром?..... 101

Пьер Шперри

Эпилог к русскому изданию 103

<i>Сведения об авторе</i>	105
<i>Лейф Ховельсен</i>	
Дорога через мрак	107
Зловещая ночь	108
Рассвет	109
I	109
II	113
III	118
Забрезжил свет.....	121
I	122
II	124
III.....	125
На свободу.....	127
Призвание	131
I	131
II	132
III.....	134
Новые силы.....	136
Еще одна революция	148
I	148
II	151
III.....	152
"Теперь все будет другим"	155
Битва за свободу	158

Библиотека Движения "Добро - без границ"

Григорий Померанц (Россия)
Теофил Шперри (Швейцария)
Лейф Ховельсон (Норвегия)

ПОСПЕТЬ ЗА БОГОМ

теория и практика Морального Перевооружения

Ответственный за выпуск — Светлана Бочарова.
Оригинал-макет подготовлен фирмой "Квадрат+"

Движение "Добро - без границ"

Адрес: Россия, 105554, Москва, ул. 8-я Парковая, 13-100.

Контактные телефоны: (096) 465-0189, 240-2317,

факс: (095) 306-2180, 338-4392

Фирма "Квадрат+"

Адрес: 103051, Москва, Цветной бульвар, д.25, строение 5, к. 31.

Контактный телефон: (095) 200-0404

факс: (095) 200-1779

Изд. лиц. № 064265 от 17.10.1995 г. Сдано в набор 25.10.1996 г.

Подписано в печать 27.12.1996 г. Формат 70x180¹/₁₆.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л.12.

Отпечатано в АО "Красногорская типография". Заказ № 425

Издательство агентства "ПРОВ-ПРЕСС",

адрес: Москва, Берсеневская наб., 20/2,

телефоны: 231-55-59, 230-09-22